ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

«Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

№ 35.

М. В. ВИШНЯКЪ.

ЛИЧНОСТЬ ВЪ ПРАВѢ.

«Изъ всѣхъ новыхъ идей въ области правовѣдѣнія едва ли есть болѣе важная, чѣмъ идея правъ личности».

I. Колеръ.

«Если не я за себя, то кто же? Но если я только за себя, то что же я значу?»

Гилелъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Цѣна 70 коп.

ПЕТРОГРАДЪ
1917

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

«Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!»

№ 35.

М. В. ВИШНЯКЪ.

ЛИЧНОСТЬ ВЪ ПРАВѢ.

«Изъ всѣхъ новыхъ идей въ области правовѣдѣнія едва ли есть болѣе важная, чѣмъ идея правъ личности».

І. Колерв.

«Если не я за себя, то кто же? Но если я только за себя, то что же я значу?»

Гилелъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ПЕТРОГРАДЪ
1917

Предисловіе
КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Десять лѣтъ прошло со времени выхода перваго изданія «Личности въ правѣ», выпущеннаго книгоиздательствомъ «Трудъ и Борьба». Написанная въ октябрѣ—декабрѣ 1906 г. работа эта увидѣла свѣтъ въ маѣ 1907 г., т. е. когда уже облетали цвѣты и догорали огни первой фазы великой русской революціи... Политическія условія того времени заставили выпустить первое изданіе «Личности въ правѣ» подъ псевдонимомъ (Веніамина Маркова) и печатать брошюру по «независѣвшимъ обстоятельствамъ» безъ авторской корректуры: естественно, что въ первомъ изданіи оказалось немало дефектовъ и опечатокъ не только буквенныхъ.

Второе изданіе появляется въ обстановкѣ болѣе благопріятной. Побѣда революціи дала возможность открыть псевдонимъ и внести въ брошюру необходимыя исправленія. Тотъ напряженный темпъ общественно-политической жизни, который вызвалъ появленіе «Личности въ правѣ» въ новомъ изданіи, не даетъ, къ сожалѣнію, возможности заново переработать всю брошюру цѣликомъ.

Поэтому, вмѣстѣ и попутно съ исправленіемъ дефектовъ предыдущаго изданія, авторъ ограничился лишь нѣкоторыми дополнительными замѣчаніями, вставками и ссылками на наиболѣе существенную новѣйшую литературу.

Какъ и десять лѣтъ тому назадъ, мы переживаемъ сейчасъ одинъ изъ тѣхъ «школьныхъ часовъ исторіи», въ которые—по выраженію Іеринга—послѣдняя читаетъ народамъ лекціи о правѣ и государствѣ. Въ теченіе тяжелаго удушливаго десятилѣтія авторъ сохранилъ свою прежнюю вѣру въ значеніе важность теоріи права и цѣлостной политики права «для соціалистической мысли и для успѣховъ соціалистическаго движенія». Торжествующее шествіе побѣдоносной русской революціи, равно какъ и эксцессы ея, участившіеся за послѣднее время, укрѣпили эту вѣру и съ особенной настоятельностью требуютъ сугубаго вниманія къ проблемамъ права и государства со стороны отвѣтственныхъ строителей жизни. Авторъ не обольщаетъ себя надеждой, что «Личность въ правѣ» можетъ выполнить эту общественно-необходимую задачу и сосредоточить общественное вниманіе на трактуемыхъ въ ней вопросахъ. Авторъ полагаетъ, однако, что если своевременно было появленіе «Личности въ правѣ» десять лѣтъ тому назадъ, то гораздо больше объективныхъ основаній къ ея появленію именно теперь, когда все, о чемъ въ 1906 г. можно было лишь мечтать и писать,—становится на очередь дня и въ самой острой и сгущенной формѣ требуетъ своего практическаго разрѣшенія.

Брошюра разсчитана на интеллигентнаго читателя, не специалиста въ правовыхъ вопросахъ. Для специалиста она можетъ представить интересъ, какъ опытъ практическаго воплощенія завѣта Лютера: «юристъ, если онъ только юристъ,—жалкая вещь!» Условія россійской дѣйствительности не дали возможности автору юристу остаться «только юристомъ». Тѣ же условія помѣшали и «Личности въ правѣ» сдѣлаться спеціально-юридическимъ трактатомъ. Эту сходную судьбу автора и его работы можно расцѣнивать положительно или отрицательно,—но, какъ съ фактомъ, съ этимъ надлежитъ считаться всякому читателю и другу, и недругу.

Авторъ.

Петроградъ, 11-го іюня 1917 г.

Введеніе.

Теорія факторовъ въ философіи и увлеченіе экономическимъ факторомъ въ обществовѣдѣніи создали то, что цѣлый рядъ человѣческихъ отношеній или вовсе не разсматривался или разсматривался односторонне и неполно.

Многія теоретическія проблемы либо вовсе отвергаются, какъ несуществующія, либо разрѣшаются механически, предвзято. Подъ такимъ угломъ зрѣнія жизнь представляется не сложной, а простой, не многогранной, а однобокой.

Въ связи съ этимъ и практическая философія направляетъ свои исканія преимущественно въ сферу экономическихъ явленій, и всѣ свои требованія предъявляетъ, главнымъ образомъ, экономическому строю. Уже первоучители соціализма, проповѣдуя **полное** и **коренное** переустройство **всего** современнаго общества, сосредоточились почти всецѣло на критикѣ только экономическаго строя, на предначертаніи только экономическаго идеала.

Неискушенная мысль неофита, впадая въ обычную логическую ошибку: одно изъ свойствъ и проявленій цѣлаго принимать за самое содержаніе этого цѣлаго,—поддалась заразительному вліянію авторитетовъ и на мѣсто всесторонняго и цѣлостного идеала поставила частичный и узкій: соціализмъ претворился въ **экономическій** соціализмъ.

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ соціалистическая мысль не внесла ничего въ разрѣшеніе правовыхъ проблемъ. Вопросы права она или вовсе игнорировала, или болѣе или менѣе искусно обходила, или ограничивалась общими указаніями, что соціализмъ, мыслимый ими какъ экономическій идеалъ, все разрѣшитъ и всѣхъ удовлетворитъ.

Въ области правового творчества и строительства соціалистическая мысль не только не явила міру ничего оригинальнаго, но не выработала даже для себя яснаго и категорическаго отвѣта на многіе элементарнѣйшіе вопросы не завтрашняго, а даже сегодняшняго дня.

Вынесла ли современная соціалистическая мысль опредѣленный и единообразный отвѣтъ на вопросы избирательнаго права, на пропорціональное представительство, на референдумъ, на иниціативу? Или выработала ли она форму гарантій самоопредѣленія націй, форму сожительства въ одномъ государствѣ нѣскольких національностей, различныхъ культуръ и расъ, способы примиренія интересовъ цѣлаго и интересовъ частей, центробѣжныхъ и центростремительныхъ силъ общежитія?

Или, наконецъ, вообще: какъ мыслить себѣ самый соціализмъ: въ той ли формѣ человѣческаго общежитія, которое носитъ родовое названіе государства или внѣ его? «Отомретъ» ли государство, ставъ излишнимъ,—какъ увѣряли въ свое время Энгельсъ [1]) и Бебель [2]),—или такой взглядъ не вытекаетъ изъ разума и силы вещей, а вызванъ лишь страстнымъ желаніемъ авторовъ соціалистовъ видѣть исчезнувшими современныхъ представителей государства и вмѣстѣ съ ними заставить исчезнуть «весь политическій аппаратъ?» Или, наоборотъ, самый соціализмъ слѣдуетъ мыслить въ формѣ государственнаго общежитія, иначе организованнаго, снабженнаго иными гарантіями, преслѣдующаго иныя цѣли и проч., но все же въ формѣ государства, какъ одной изъ неизбѣжныхъ и естественныхъ формъ психическаго общенія людей?

Вотъ вопросы, отвѣты на которые,—какъ и на цѣлый рядъ другихъ существеннѣйшихъ вопросовъ,—опредѣляются личными

---

[1]) Fr. Engels. «Herrn Eugen Dührings Umwälzung d. Wissenschaft».

[2]) А. Бебель. «Очерки по женскому вопросу». Книгоизд. Мягкова, стр. 491: «съ уничтоженіемъ частной собственности и классовыхъ противоположностей отпадаетъ постепенно и государство». — Стр. 492: «Вмѣстѣ съ государствомъ исчезаютъ его представители, министры, парламенты, постоянное войско, полиція, жандармы, суды, прокуроры, адвокаты, тюремные смотрители, податное и таможенное управленіе, однимъ словомъ, (!) весь политическій аппаратъ».—П. Л. Лавровъ также защищаетъ уменьшеніе въ каждую эпоху государственнаго элемента въ обществѣ до возможнаго минимума и надѣется, что при полномъ господствѣ соціалистическаго строя этотъ минимумъ близко подойдетъ къ нулю.—См. «Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ».—«Впередъ» т. IV, вып. 1.—1876 г.

склонностями и симпатіями отдѣльныхъ соціалистовъ, а не принципіальными различіями ихъ мнѣній, прежде всего потому, что самые принципы въ области права еще слишкомъ недостаточно разработаны соціалистической теоріей.

Если «для всей науки о государствѣ имѣетъ весьма важное значеніе,—какъ увѣряетъ признанный авторитетъ этой науки Георгъ Еллинекъ,—тотъ результатъ, что противоположность принципіальныхъ воззрѣній на государство сводится къ противоположности двухъ основныхъ міровоззрѣній: индивидуалистически - атомистическаго и универсально - коллективистическаго [1]), — то одинаково справедливо, на нашъ взглядъ, и обратное утвержденіе: для всего универсально-коллективистическаго міровоззрѣнія имѣетъ весьма важное значеніе то или другое принципіальное воззрѣніе на государство и,—шире того,—на **право**.

Безъ теоріи права не существуетъ политики права. Безъ отчетливыхъ представленій о задачахъ права и опредѣленнаго отношенія къ отдѣльныхъ его проблемамъ немыслима никакая теорія права, невозможно никакое творчество въ политикѣ права. Вся устойчивость соціальнаго строительства покоится на глубинѣ и широтѣ правосознанія его строителей.

И если **исторія** перестраиваемаго права есть тотъ матеріалъ, тѣ кирпичи, которые небезполезно бываетъ, согласно принципу экономіи силъ, утилизировать и при закладкѣ, и при постройкѣ новаго зданія,—то **теорія** права есть тотъ рѣзецъ, при помощи котораго **политикъ** творитъ, по образцу и подобію своего идеала, новое право, высѣкая новыя формы жизни изъ старыхъ, отжившихъ.

Въ сознаніи той важности, которую имѣетъ теорія права для соціалистической мысли, съ сознаніи того значенія, которое имѣетъ она для успѣховъ соціалистическаго движенія, для проведенія въ жизнь дѣйственной соціалистической политики права, въ сознаніи, наконецъ, того, что «времена политическихъ переворотовъ, революцій, анархій—суть школьные часы исторіи, въ которые послѣдняя читаетъ народамъ лекціи о государствѣ и правѣ» [2])—я предлагаю вниманію читателя настоящій очеркъ.

---

[1]) Г. Еллинекъ. «Право современаго государства», стр. 108.

[2]) Рудольфъ фонъ-Іерингъ. «Цѣль въ правѣ», стр. 405, т. I, русск. пер.

ГЛАВА I.

Юристы еще ищутъ опредѣленія для понятія права.

Кантъ.

Мы должны найти ее, эту потерянную идею права, иначе мы сами себя потеряемъ.

О. Гирке.

Современная теорія права различаетъ двоякаго рода право— и сообразно съ этимъ дѣлитъ его на два отдѣла: на право гражданское и право публичное. Такое дѣленіе сохранилось до нашихъ дней съ начала III вѣка, когда его впервые установилъ знаменитый римскій юристъ Ульпіанъ. При этомъ не только самое различіе права, но и тотъ признакъ, который положилъ въ его основу Ульпіанъ, сохранился и считается общепринятымъ и въ наши дни.

Ульпіанъ писалъ: «въ предметѣ нашего изученія есть двѣ части: публичное и гражданское право; публичнымъ правомъ мы называемъ то, которое касается состоянія всего римскаго государства, а гражданскимъ то, которое касается частныхъ интересовъ частныхъ лицъ» [1]).

Современная юриспруденція не только признаетъ справедливымъ такое дѣленіе, но, увлекаясь все растущей специализа-

---

[1]). Dig. de just. et jure 1, 1, tr. 192.
«Huius studii duae sunt positiones, publicum et privatum: publicum jus est quod ad statum rei romanae spectat, privatum, quod ad singulorum utilitatem pertinet».

цией знаній, углубляетъ это раздѣленіе чуть ли не до полнаго разрыва: исторія науки знаетъ примѣры борьбы «цивилистики» съ «публицистикой» за признаніе главенствующаго значенія за тѣмъ или другимъ отдѣломъ права; она знаетъ примѣры, когда эта борьба переходила въ презрительное отношеніе къ самому предмету изученія враждебной стороны.

При сохраненіи прежней исходной точки зрѣнія болѣе развитая юридическая техника и болѣе совершенный научный методъ нашихъ дней предоставили теоріи права возможность только болѣе солидно обосновать указанное различіе. Если Ульпіанъ только въ общемъ видѣ намѣтилъ существованіе гражданскаго и публичнаго права по **матеріальному** признаку, по наличности частныхъ или общественныхъ **интересовъ**,—то современная утонченная мысль детально размежевываетъ сферы дѣйствія этихъ интересовъ. Мало того, современная юриспруденція установила новый **формальный** критерій, по которому она различаетъ содержаніе и предѣлы гражданскаго и публичнаго права.

Не интересы, которые охраняются правомъ, а тѣ средства, которыми эти интересы защищаются,—вотъ основной признакъ принадлежности данной нормы къ разряду частнаго или публичнаго права. Зависимость реакціи на нарушеніе нормы отъ заинтересованнаго лица опредѣляетъ собою,—по мнѣнію наиболѣе виднаго представителя этого взгляда Августа Тона,—особенность и свойство частно-правовыхъ нормъ. Наоборотъ, если нарушеніе нормы вызываетъ иниціативу со стороны самого государства, помимо или даже вопреки волѣ потерпѣвшаго лица, то мы имѣемъ дѣло съ обалстью публичнаго права. Патологическая сторона правовой нормы, ея нарушеніе — опредѣляетъ истинный ея характеръ, по мнѣнію представителей этого взгляда, къ которому изъ русскихъ цивилистовъ примыкаютъ Муромцевъ, Дювернуа, Гамбаровъ.

Римское право представляетъ собой крайнее выраженіе индивидуалистическаго начала. Римъ, который удачно сочеталъ идею свободы (Греція) съ идеей необходимости (Востокъ), изъ коихъ слагается право,—одинаково пропиталъ и гражданское, и публичное свое право крайнимъ индивидуализмомъ.

Отцовская власть съ его правомъ на жизнь иу смерть (ius vitae ac necis) своихъ подвластныхъ; власть супруга (manus mariti) надъ «объектомъ своей покупки»; господство недѣлимой, свободной, римской собственности; свобода договоровъ съ

правомъ кредитора на личность своего должника; свобода завѣщанія съ вспомогательнымъ характеромъ права наслѣдованія по закону,—всѣ эти наиболѣе яркія стороны правового индивидуализма достигли въ римскомъ правѣ высшей степени своего развитія.

То же индивидуальное начало господствуетъ и въ публичномъ римскомъ правѣ. Роды и государство обязаны своимъ происхожденіемъ индивидуальному договору. Роды—результатъ союза отдѣльныхъ лицъ, отцовъ семействъ, члены которыхъ—безправные подвластные. Государство, «система римской свободы»,—скорѣе товарищество самостоятельныхъ, болѣе или менѣе случайныхъ участниковъ въ общемъ дѣлѣ (res publica), чѣмъ органическій союзъ. Между публичнымъ и гражданскимъ правомъ Рима въ этомъ смыслѣ нѣтъ противоположности, и «отсутствіе противоположности состоитъ не въ томъ, что государство господствуетъ надъ частнымъ правомъ, но въ томъ, что частное право господствуетъ надъ государствомъ, т. е. не частное право устроено по политическимъ, но государство по частноправовымъ принципамъ» [2]).

Но всю ту правовую силу, которою пользовался римлянинъ, онъ получилъ не какъ человѣкъ, а какъ **гражданинъ** и именно какъ гражданинъ римскаго государства. «Римское право, знавшее ius naturale (прирожденное право), признававшее въ теоріи, что человѣкъ, какъ таковой, свободенъ, практически, никогда не поднялось до утвержденія этого начала въ жизни [3]). И какъ въ семьѣ безграничная власть отца семьи или домохозяина создавалась за счетъ безправія остальныхъ, подвластныхъ членовъ семьи, такъ и во внутригосударственной сферѣ усиленная правоспособность однихъ граждане шла на счетъ умаленія правъ другихъ. Личные и политическіе интересы господствовавшихъ знатныхъ родовъ въ республиканскій періодъ, интересы императорской фамиліи и ея присныхъ во время принципата и имперіи отождествлялись съ интересами и общимъ благомъ всего римскаго народа,—соотвѣтственно съ

---

[1]) Изъ русскихъ цивилистовъ къ этому направленію примыкаютъ: Муромцевъ, Дювернуа, Гамбаровъ и др.

[2]) См. у Рудольфа Іеринга: «Духъ римскаго права», стр. 189, русск. пер. 75 г.

[3]) Тамъ же, стр. 90 и 194.

этимъ правоспособность и привиллегіи первыхъ росли за счетъ безправія послѣдняго [1]).

Для цѣлей международнаго общенія римское право въ одинаковой мѣрѣ сохранило общій свой характеръ: оно пропитано духомъ частной, національной исключительности, стремленіемъ подчинить владычеству Рима всю извѣстную тому времени вселенную, весь «orbis terrarum». Римское государство существуетъ только для римлянъ; римскими гражданами и сочленами государства, заключившими съ Римомъ договоры,— исчерпывается весь кругъ правоспособныхъ по римскому праву. Римское право совпадаетъ съ римскимъ государствомъ.

Антиподомъ античнаго римскаго государства является полицейское государство новаго времени.

Если въ Римѣ частное право господствуетъ надъ государствомъ, то въ Западной Европѣ XVII вѣка государство господствуетъ надъ частнымъ правомъ. Если положеніе, что личная дѣятельная сила и энергія есть источникъ права, является однимъ изъ начальныхъ въ исторіи римскаго права» [2]) и дѣйствительно проникаетъ его во всемъ дальнѣйшемъ его развитіи,—то обратное положеніе пропитываетъ собою право полицейскаго государства съ момента его возникновенія до настоящихъ дней тамъ, гдѣ оно еще сохранилось.

Ни на шагъ не отпускать гражданина изъ-подъ контроля государства; повсюду слѣдовать за нимъ, гдѣ только возможно, становиться на его мѣсто, гдѣ нельзя,—напр., въ брачномъ союзѣ,—тамъ ввести его дѣятельность въ опредѣленныя рамки, въ заранѣе предписанную государствомъ форму, для большей гарантіи поставить ее подъ надзоръ полиціи, чиновничества, другихъ органовъ надзора,—такова основная тенденція всей дѣятельности полицейскаго государства.

Правовая концепція полицейскаго государства никогда не сумѣла подняться выше воззрѣнія, по которому государственная власть представляется суммою правъ по отношенію къ другимъ государствамъ и подданнымъ, обладающимъ лишь «ограниченнымъ разумомъ» и публичными обязанностями, но не публичными правами.

---

[1]) Мегнеръ. «Новое ученіе о государствѣ». Изданіе Скирмунта, стр. 97.

[2]) Руд. Іерингъ. «Духъ римскаго права», стр. 93. См. также стр. 194, 195 и 196.

Не надо думать, чтобы полицейское государство безусловно и принципіально отказывалось отъ просвѣтительныхъ и прогрессивныхъ цѣлей. Періодъ высшаго расцвѣта полицейскаго государства, — западно-европейскій просвѣщенный абсолютизмъ XVII — XVIII вѣковъ выставилъ даже лозунгомъ своей дѣятельности: «все для народа». Полицейское государство часто мѣняло цвѣта, часто мѣняло свою оболочку, но его содержаніе всегда оставалось то же.

«Короли **Божьей** милостью», «**представители** всемогущаго и вездѣсущаго чудовища-государства», Фридрихъ Великій и Леопольдъ II, «первые **слуги** подвластныхъ имъ народовъ», Людовикъ XIV,—собственникъ Франціи, «**своей** королевской вотчины», знаменитый своимъ изрѣченіемъ: «государство — это я!»—все это лишь различные символы и выраженія одного и того же явленія, лишь болѣе эвфемическое или болѣе обнаженное наименованіе, лишь различныя варіаціи на одну и ту же полицейско-государственную тему.

Устраненіе гражданъ отъ участія въ законодательномъ творчествѣ, недопущеніе ихъ къ отправленію правосудія, проникновеніе во всѣ стороны жизни полицейско-бюрократическаго надзора и вмѣшательства въ интересахъ фиска, постоянныя арміи, захватная, шовинистическая международная политика въ династическихъ интересахъ, полное вытѣсненіе правъ личности, поглощеніе всей сферы публичнаго права компетенціей централистической правительственной власти,—таково содержаніе дѣятельности, таковъ результатъ, къ которому привела теорія и практика полицейскаго государства.

Въ римскомъ государствѣ все общественное право разверсталось между отдѣльными группами и индивидами: оно растворилось и осѣло въ ограниченной средѣ отцовъ семействъ, привилегированныхъ сословій, принцепса и его приближенныхъ.

Въ полицейскомъ государствѣ, наоборотъ, все индивидуальное право стало публичнымъ достояніемъ; его безъ остатка поглотило административно-бюрократическое вмѣшательство правящихъ сферъ.

Прошли вѣка. Вліяніе знаменитыхъ апологетовъ абсолютизма Маккіавели, Гобса и Бодена смѣнилось господствомъ идей Монтескье, Руссо.

Не стало многихъ людскихъ кумировъ. Побѣдоносное шествіе прогресса смело съ своего пути «намѣстниковъ Божьею

милостью», развѣнчало бывшихъ «слугъ своего народа». Прошла эпоха Великой Французской Революціи,—прошла, провозгласивъ на весь міръ два великихъ догмата—**суверенитетъ народной воли и неотчуждаемость основныхъ правъ человѣка,** и завѣщавъ потомству воплощеніе ихъ въ жизнь.

Жизнь предъявляла новыя требованія. Мысль искала новыхъ путей. Въ юриспруденціи школу естественнаго права смѣнила историческая школа. Вмѣсто Локка и Руссо—Савиньи и Пухта завладѣли умами. Уже не въ прирожденныхъ, неотчуждаемыхъ правахъ индивида, а въ раскрытіи мирового назначенія отдѣльныхъ обществъ, въ обнаруженіи ихъ «народнаго духа» стали искать опредѣленія права. По прежнему стояла передъ человѣческимъ умомъ проблема права, его цѣли и содержаніе, его характеръ и подраздѣленія. Настоятельнѣе прежняго предъявляла усложнившаяся жизнь требованіе разрѣшить эту проблему. Вся исторія науки о правѣ свидѣтельствуетъ о наростаніи и обостреніи этихъ требованій. Какъ въ свое время философія сдѣлалась служанкой богословія, такъ въ новѣйшее время юриспруденція оказалась въ услуженіи у законодательства, сохранивъ только для видимости «корону власти на челѣ», какъ выразился о ней извѣстный Виндшейдъ.

ГЛАВА II.

> **Организмъ права одинаково покоится на двухъ полюсахъ: на индивидуализмѣ и соціализмѣ.**
>
> *Денбургъ.*

Объективныя условія историческаго процесса и субъективныя предуказанія, связанныя съ оцѣнкой историческаго прогресса, обусловливая и взаимно опредѣляя другъ друга, создали соціалистическое движеніе.

Если охватить соціалистическое движеніе одной общей формулой, то оно лучше всего можетъ быть охарактеризовано какъ стремленіе достичь: «все для **трудового** народа; все черезъ посредство него!»

Какъ и всякая другая, общая формула, она слишкомъ узка, чтобы охватить все содержаніе соціалистическаго движенія, но въ то же время она достаточно опредѣленна, чтобъ не служить фиговымъ листкомъ для всѣхъ фальсифицированныхъ радѣтелей «народа» и «свободы». И деспоты «просвѣщеннаго абсолютизма», въ стилѣ Людовига XVI, и демагоги революціоннаго якобинизма, Маратовскаго типа, властно требовавшіе человѣческихъ гекатомбъ «для общественнаго блага», требовали ихъ одинаково **именемъ** народа, **для** народа, но не **чрезъ посредство** народа.

Въ этомъ формальный отличительный признакъ всякаго демократическаго ученія. Матеріальное же содержаніе соціалистическаго движнія есть требованіе: «все для трудового народа»,

т. е. требованіе трудящимся всей свободы, всей власти, всѣхъ правъ.

Соціалистическое движеніе не имѣетъ самостоятельныхъ интересовъ, самодовлѣющаго значенія. Его интересы—интересы труда, его значеніе обусловлено значеніемъ трудовыхъ массъ въ общественномъ движеніи.

Но трудовой народъ состоитъ изъ совокупности индивидовъ. «Въ индивидахъ и ихъ общей психической жизни заключается субстанція общества» [1]). Индивидъ не противоположенъ обществу, а проявляется въ немъ, какъ въ своей необходимой средѣ. Цѣль соціализма цѣлостное и гармоническое развитіе личности. Созданіе условій и гарантій такого развитія,—все содержаніе соціалистическаго движенія.

Отношеніе между индивидомъ и средой, въ которой онъ живетъ, обществомъ, къ которому онъ принадлежитъ,—это вопросъ отъ котораго не можетъ уйти соціалистическая мысль. Чисто-юридическая проблема, отношеніе частнаго, гражданскаго права къ общественному, публичному—пріобрѣтаетъ особый интересъ для соціалистической политики права.

Каковы тѣ исходныя положенія, отъ которыхъ должна отправляться соціалистическая мысль при рѣшеніи этой проблемы, если она хочетъ остаться въ согласіи съ соціализмомъ и не извратить въ то же время самой природы права? [2]).

Историческій человѣкъ не мыслимъ внѣ общества. Общество не мыслимо безъ права. Гдѣ общество, тамъ и право. Отъ столкновенія и борьбы личности со средой, съ обществомъ рождается право.

Право—это нормы, регулирующія общежитіе и снабженныя гарантіями своего осуществленія. Понятіе права—чисто формальное. Характеръ и содержаніе правовыхъ нормъ истори-

---

[1]) Th. Kistiakowski. «Gesellchaft und Enzelwesen». S. 144.

[2]) Юристы и философы одинаково возстаютъ противъ навязыванія праву чуждыхъ ему, «надземныхъ» задачъ и «сверхчеловѣческихъ» цѣлей. «Право слѣдуетъ свести съ неба на землю»,—пишетъ Рудольфъ Іерингъ. «Задача права не въ томъ, чтобы лежащій во злѣ міръ обратить въ царство Божіе, а въ томъ, чтобы онъ до времени не превратился въ адъ»,—проповѣдуетъ русскій философъ-моралистъ Вл. Соловьевъ. См. полн. собр. сочин. т. VII, стр. 387.

чески подвижны; они опредѣляются характеромъ общежитія, условіями времени и мѣста. Цѣль права опредѣляется пониманіемъ этой цѣли членами общежитія, ихъ правосознаніемъ.

Право и государство имѣютъ дѣло не съ абсолютными законами общезначимаго характера, а съ законами условными, временнаго и мѣстнаго значенія. Условность и относительность основное и неизбывное свойство права и государства. Ничто такъ не характерно для нихъ, какъ вѣчная текучесть и измѣнчивость, запечатлѣнная мѣткимъ афоризмомъ Іеринга: «Die Idee des Rechts ist ewiges Werden»: право и государство—въ вѣчномъ становленіи. И ничто такъ не чуждо имъ, какъ идея абсолютной законченности и безусловной непреложности. Если бы не звучало такимъ явнымъ противорѣчіемъ, можно бы было сказать: единственное, что есть абсолютнаго въ правѣ, это—его принципіальный релятивизмъ. Признавать релятивизмъ въ правѣ и государствѣ не значитъ, конечно, защищать релятивизмъ вообще, принципіально. Наоборотъ, этимъ ни въ какой мѣрѣ не отрицается наличность безусловныхъ цѣнностей, какъ и не умаляется, на нашъ взглядъ, самостоятельная и громадная роль права и государства. Вдвинутыя въ опредѣленныя, правда, ограниченныя рамки, право и государство пріобрѣтаютъ лишь болѣе прочное и устойчивое основаніе. Идя такимъ путемъ, необходимо прежде всего выдѣлить изъ науки о правѣ и государствѣ метаюридическія примѣси, коими пытаются либо приподнять право и государство, ихъ природу и цѣли, до уровня высшей правды и вѣчной справедливости (древне-греческое право, Влад. Соловьевъ, Краббе, Дюги, Новгородцевъ и друг.), либо, наоборотъ,—низвести право и государство къ самымъ ихъ истокамъ, къ инстинкту, интересу (біологическое направленіе, марксистское, Гумпловичъ и друг.). Такова общая судьба всѣхъ наукъ: чѣмъ тоньше ея методы и крупнѣе побѣды, тѣмъ прочнѣе утверждалась увѣренность, что, если компетенція науки и безгранична, то лишь въ своей области, всегда предполагающей наличность опредѣленныхъ предѣловъ [1]).

Исходя изъ такихъ отправныхъ пунктовъ и руководясь на своемъ пути свѣтомъ конечнаго своего идеала, соціалистическая

---

[1]) Подробнѣе см. объ этомъ въ моей статьѣ: «Идея суверенитета въ политической доктринѣ прежде и теперь», напечатанной въ журналѣ «Юридическій Вѣстникъ», 1917 г., № 1.

мысль отрицаетъ принципіальную противоположность между личностью и обществомъ, а, стало быть—между гражданскимъ и публичнымъ правомъ. Этой противоположности не должно существовать, она, какъ мы увидимъ ниже, не можетъ существовать, она и не существуетъ.

Съ точки зрѣнія современной науки, ни семья, ни государство, ни община, ни товарищество, ни церковь, ни международный союзъ, не представляютъ самостоятельной субстанціи человѣческаго общенія, а исключительно лишь его **функцію.** Лежащей въ основѣ этой функціи субстанціей являются и всегда остаются только люди съ ихъ индивидуально-массовой психологіей. На этомъ основаніи логическое противоположеніе личности обществу, частнаго права общественному можетъ имѣть лишь спеціальное и весьма ограниченное техническое примѣненіе.

Только для цѣлей систематизаціи права оправдывается употребленіе формальныхъ юридическихъ понятій, какъ оправдывается употребленіе логикой такъ называемыхъ «предѣльныхъ понятій» для аналогичныхъ цѣлей. Всякое же другое противоположеніе личности обществу, незаконное съ точки зрѣнія логики, вредно и съ точки зрѣнія политики права.

Отъ логическаго анализа современной юриспруденціи не могла, конечно, укрыться вся условность и относительность противоположенія частнаго права—праву общественному. Изъ сферы наблюденія современной науки не могъ, конечно, укрыться фактъ постоянной измѣнчивости права, подвижность границъ гражданскаго и публичнаго права, наконецъ, хаотическое смѣшеніе и сложное переплетеніе частнаго права съ общественнымъ. Но тотъ «выходъ», который, какъ мы увидимъ ниж, предлагаетъ она изъ создавшагося положенія,—неудовлетворителенъ, прежде всего потому, что онъ является не выходомъ, а обходомъ, не рѣшеніемъ проблемы, а перемѣщеніемъ ея въ другую плоскость.

Сравнительно-историческое изслѣдованіе догмы права показываетъ, что то право, которое менѣе всего подвергалось романистическому вліянію, право англійское, не знаетъ традиціоннаго дѣленія права на гражданское и публичное.

Обращаясь къ отдѣльнымъ правовымъ институтамъ, это изслѣдованіе обнаруживаетъ съ несомнѣнностью, что въ историческомъ развитіи права то, что считалось сферой частнаго ин-

тереса въ одну эпоху, признавалось общественно-важнымъ въ другую эпоху и наоборотъ.

Общеизвѣстенъ фактъ, что кража у римлянъ относилась къ гражданскому праву и считалась за delictum privatum (частное правонарушеніе), которое и влекло за собою только частный штрафъ. Въ современномъ капиталистическомъ строѣ, при господствѣ буржуазныхъ воззрѣній на право и сосредоточеніе власти въ рукахъ «командующихъ классовъ»,—кража стала общественно-наказуемымъ уголовнымъ преступленіемъ и перешла въ область публичнаго права.

Въ римскомъ правѣ понятіе собственности, такъ называемая римская квиритская собственность, носила абсолютный характеръ, опредѣлялась, какъ неограниченная власть собственника надъ мѣстно-ограниченною частью внѣшняго міра. Теперешняя собственность имѣетъ относительное опредѣленіе, характеризуется какъ «наиболѣе полное» господство надъ матеріальной вещью.

Современная частная собственность стала тѣнью римской собственности. Мѣсто прежняго единодержавнаго собственника римскаго права заступили владѣлецъ, управляющій и пользователь современной «собственностью»—одинаково связанные распоряженіемъ—приказомъ или запретомъ — публичной власти и принужденные частью своего дохода поступаться въ пользу различнаго рода публичныхъ союзовъ (государства, земства, города, гипотечныхъ учрежденій и—проч.) [1]).

«Какъ ни парадоксально съ перваго взгляда, но несомнѣнно»,—говорилъ въ свое время Фридрихъ Лассаль, «что въ общемъ ходъ культурно-историческаго развитія права состоитъ въ постепенномъ ограниченіи сферы права собственности отдѣль-

---

[1]) См. любопытныя въ этомъ отношеніи рѣшенія западно-европ. судовъ, приведенныя I. Гессенемъ въ № 3, 4 и 11 Журнала Мин. Юстиц. за 1897 г. Эти рѣшенія характеризуютъ такую сильную степень суженія объема правъ собственника, что вызываютъ со стороны г. Гессена слѣд. замѣчаніе: «Установившееся понятіе о правѣ собственности, какъ правѣ самаго безусловнаго пользованія и распоряженія предметами—въ настоящее время является пустымъ звукомъ» (Журн. Мин. Юстиц. за 1897 годъ, стр. 307).

ныхъ лицъ и изъятія изъ этой сферы все большаго числа объектовъ права» [1]).

Не крайніе соціалисты, а уравновѣшенные и весьма умѣренные юристы, утверждающіе, что «всѣ коллективистическія доктрины представляютъ собою возвратъ къ варварству»,—одновременно съ тѣмъ полагаютъ, что «собственность не есть право; она только соціальная функція, которая состоитъ въ употребленіи богатствъ сообразно ихъ назначенію» [2]). На мѣсто освященнаго римскимъ правомъ ius utendi *et abutendi* новѣйшее швейцарское уложеніе объявляетъ шиканой, или недопустимымъ злоупотребленіемъ правомъ всякое осуществленіе права собственности, противное «доброй совѣсти» (Treu und Glauben). Обширное спеціальное законодательство въ интересахъ общаго блага налагаетъ ограниченія на цѣлый рядъ объектовъ: горное право изъемлетъ изъ права собственности въ значительной степени (а иногда и вовсе) нѣдра земли; водное право регулируетъ общественное пользованіе водами, водопадами; далѣе строительное, санитарное, фабричное, земельное и другихъ видовъ право непрестанно расширяютъ предѣлы вмѣшательства въ сферу частной собственности. Наряду съ предметными ограниченіями, съ увеличеніемъ числа объектовъ, подлежащихъ публично-правовому регулированію, право собственности ограничивается и пространственно: такъ германское гражданское уложеніе (§ 905) точно «высоту» и «глубину», на которыхъ право собственности и уложеніе швейцарское (§ 667) предусматриваютъ точно «высоту» и «глубину», на которыхъ право собственности уже перестаетъ дѣйствовать [3]).

Безпредѣльная свобода договоровъ, закабаленіе себя вмѣстѣ со всѣмъ своимъ домомъ, на вѣчныя времена, на пожизненную «крѣпость», смѣняется суженіемъ предѣловъ формальной свободы личности, огражденіемъ свободы личности по существу: статья 2214 ч. 1 т. X нашего давно уже отжившаго свода за-

---

[1]) «System der erworbenen Rechte». S. 217.

[2]) Цитирую по исключительно интересной и цѣнной книгѣ проф. I. А. Покровскаго «Гражданское право въ его основныхъ проблемахъ».—Оттискъ изъ изд. «Итоги науки». Т-ва «Міръ», Москва, стр. 78. Во избѣжаніе недоразумѣнія долженъ оговорить, что въ указанномъ мѣстѣ I. А. Покровскій излагаетъ не свои взгляды, а взгляды извѣстнаго французскаго государствовѣда Дюги на «Общую эволюцію частнаго права съ эпохи кодекса Наполеона». (Leon Duguit. «Les transformations générales du droit privé depuis le Code Napoléon».—1912 г.).

[3]) См. цитир. сочин. I. А. Покровскаго, стр. 166—167.

коновъ—изданнаго подъ исключительнымъ вліяніемъ римскихъ воззрѣній на право (Code Napoléon и др.) запрещаетъ заключеніе договоровъ личнаго найма на срокъ свыше пяти лѣтъ.

I. А. Покровскій отмѣчаетъ, что послѣднія десятилѣтія ознаменовались повсемѣстнымъ усиленіемъ ограниченій по отношенію къ принципу договорной свободы. Такъ § 138 Германскаго Уложенія 1896 г. устанавливаетъ, что сдѣлка, противная добрымъ правамъ, ничтожна. «Въ особенности ничтожна сдѣлка, въ силу которой одно лицо, эксплоатируя (unter Ausbeutung) нужду, легкомысліе или неопытность другого, выговариваетъ себѣ или постороннему такія имущественныя выгоды, которыя настолько превышаютъ его обязанности, что при обстоятельствахъ даннаго случая стоятъ къ послѣднимъ въ очевидномъ несоотвѣтствіи». Аналогичный смыслъ имѣетъ статья, включенная въ Швейцарское уложеніе въ 1911 г. (§ 21) и ст. 31 русскаго проекта обязательственнаго права, внесеннаго въ III-ю Государственную Думу. Интересна, съ другой стороны, обязанность вступать въ договоры, которую, въ общественныхъ цѣляхъ, законъ возлагаетъ на предпріятія, монополизировавшія въ своихъ рукахъ удовлетвореніе той или иной потребности гражданъ: почтовыя, телеграфныя, желѣзнодорожныя сношенія. Въ настоящее время возникаетъ вопросъ о распространеніи такого принужденія вступать въ договоры (Kontrahierungszwang) на всѣ вообще предпріятія, предлагающія свои услуги населенію: аптеки, магазины, стоящіе на улицѣ извозчики и т. д. [1]).

Бракъ по кореннымъ римскимъ законамъ и по греко-римскому законодательству былъ актомъ гражданскимъ. Но съ теченіемъ времени въ него начинаетъ вкрадываться публичный моментъ, религіозный элементъ. Позднѣе,—въ Россіи, напр., начиная съ 17-го вѣка, при Петрѣ Великомъ, — гражданскій элементъ въ бракѣ вытѣсняется окончательно религіознымъ.

Въ настоящее время самодержавіе окончательно слилось съ православіемъ; государственность съ церковностью сплелись въ тѣснѣйшій союзъ. Теперь, когда очередной задачей момента является окончательное исчезновеніе самодержавія и полное отдѣленіе церкви отъ государства,—теперь недалекъ, надо думать, тотъ день, когда публичная сторона брака, религія, станетъ

[1]) См. цитир. сочин. I. А. Покровскаго, стр. 228—230 и 212.

частнымъ дѣломъ брачущихся, а гражданская сторона брака, признаніе его со стороны государства, станетъ общимъ дѣломъ, пріобрѣтетъ публичный характеръ. Такъ мѣняются въ потокѣ времени правовыя понятія и самыя людскія отношенія.

Одинъ изъ главныхъ отдѣловъ современнаго гражданскаго права, право семейное, въ самой основѣ своей состоитъ изъ смѣшенія элементовъ частнаго и публичнаго права.

Семейный союзъ создаетъ два вида семейныхъ правъ, различныхъ по своему содержанію и по своей природѣ: а) права личной власти и б) права на содержаніе.—Права личной власти принадлежатъ мужу надъ женой, родителямъ надъ дѣтьми, опекунамъ надъ опекаемыми. Права на содержаніе принадлежатъ женѣ по отношенію къ мужу, дѣтямъ по отношенію къ родителямъ и обратно. Тѣ и другія права имѣютъ то общее, что они носятъ личный характеръ, всегда связаны съ опредѣленнымъ активнымъ субъектомъ.—На этомъ общность природы того и другого вида семейныхъ правъ прекращается.

«Объектомъ права личной власти является само подвластное лицо, а не какое-либо дѣйствіе съ его стороны. Однако, въ настоящее время, съ признаніемъ личности за каждымъ человѣкомъ, эти права попадаютъ въ безвыходное противорѣчіе съ нормами, охраняющими свободу каждаго лица подъ страхомъ наказанія. Право требовать жену или дѣтей къ совмѣстному жительству сталкивается съ запрещеніемъ подвергать свободное лицо насильственному задержанію. Отсюда обнаруживается теоретическая несостоятельность этихъ правъ и практическая ихъ неосуществимость. Но такъ какъ они признаются современными законодательствами, въ томъ числѣ и нашимъ, то необходимо удѣлить и имъ нѣкоторое вниманіе». Такъ поистинѣ безнадежно и теоретически малоутѣшительно заканчиваетъ проф. Шершеневичъ § 56 своего широко распространеннаго учебника, посвященный изложенію «Общаго понятія о семьѣ и семейныхъ правахъ»...[1]).

Другая вѣтвь семейнаго права, родительская власть, также обнаруживаетъ постоянное проникновеніе публичнаго элемента въ частно-правовыя отношенія. «Если въ настоящее время въ основѣ родительской власти лежитъ общественная идея, то въ

---

[1]) Проф. Г. Ф. Шершеневичъ «Учебникъ Русск. Гражд. Права», Изд. 5-ое., стр. 584 и 585.

историческомъ развитіи ей предшествовала частная идея»[1]). Если римское право знало безграничный, ничѣмъ не сдерживаемый произволъ родителей надъ своими дѣтьми, до права жизни и смерти включительно, то современное право возвысилось до признанія за родителями обязанностей не только беречь жизнь и здоровье дѣтей, но и доставлять имъ пропитаніе, давать своимъ дѣтямъ «доброе и честное воспитаніе, соотвѣтствующее ихъ общественному положенію»[2]). Проведеніе системы обязательнаго обученія возлагаетъ далѣе на родителей обязанность подъ угрозой наказанія предоставлять своимъ дѣтямъ низшее образованіе. И, наконецъ, наиболѣе полное выраженіе происшедшей метаморфозы родительской власти представляетъ западно-европейское законодательство послѣднихъ двухъ десятилѣтій, когда прежнее **личное право** становится **общественной повинностью**. Силою закона или судебнаго рѣшенія признано возможнымъ отнимать родительскую власть у тѣхъ, кто окажется недостойнымъ ся дурно исполняющимъ свою общественную обязанность[3]).

Если мы отъ родительской власти обратимся къ опекѣ и попечительству, образующимъ по классификаціи нѣкоторыхъ цивилистовъ слѣдующую вѣтвь того же семейнаго права,—то мы и здѣсь встрѣтимъ аналогичное явленіе.

Въ правѣ новой Европы опека и попечительство становятся общественной обязанностью, пріобрѣтаютъ публичный характеръ. Дѣла по опекѣ и попечительству не представлены по новѣйшимъ законодательствамъ дѣйствію личной воли и личныхъ интересовъ; опека и попечительство являются лишь восполненіемъ естественной семьи, какъ это было въ древнемъ обществѣ,—они подпадаютъ подъ общественный контроль, обыкновенно подъ контроль суда[4]).

Въ «доброе» старое время повсюду на Западѣ,—а въ Россіи

---

[1]) Тамъ же, у Шершеневича, стр. 623.

[2]) Сводъ законовъ Россійск. Имперіи, ст. 172, ч. 1, т. X.

[3]) Законы 1889 и 1898 г. во Франціи. Законъ 1889 г. съ дополн. 1894 г. въ Англіи и § 1666 новаго германскаго гражд. уложенія вошедшаго въ силу въ 1900 году.

[4]) Въ Англіи эти дѣла вѣдаетъ лордъ-канцлеръ и канцлерскій судъ; въ Германіи особыя судебныя коллегія, носящія разнообразныя названія: Pupillen-Collegien, Vormundschaftsgerichte, Waisengerichte и т. д.

и по сіе время,—бродяжничество считалось уголовно-наказуемымъ преступленіемъ (за него приговаривали даже къ смертной казни; по старому французскому закону—къ пожизненной каторгѣ). Въ основѣ такой кары лежала юридическая презумпція, что отсутствіе возможности или желанія удостовѣрить личность бродяги покрываетъ собою совершенное имъ уже злодѣяніе или облегчаетъ совершеніе уголовнаго дѣянія въ будущемъ. Въ настоящее время бродяжничество не признается больше преступленіемъ и, по наиболѣе совершенному въ этомъ отношеніи законодательству Бельгіи, къ нему примѣняются уже не репрессивно-карательныя, а предупредительныя мѣры. На мѣсто индивидуальной обязанности «не бродяжить» встала публичная обязанность принимать предупредительныя противъ этого мѣры. Вмѣсто общественнаго права карать бродягу возникаетъ (или, вѣрнѣе, имѣетъ возникнуть, т. к. и бельгійское законодательство все же не окончательно отрѣшилось отъ традиціи «добраго» стараго времени) индивидуальное право бродяги на помощь и призрѣніе со стороны общества.

Эти примѣры можно было бы продолжить безъ конца. Но въ этомъ нѣтъ нужды, разъ общій смыслъ ихъ и значеніе ясны [1]).

Суммируя все сказанное выше, мы должны признать: исторія и догма права представляютъ постоянную смѣну, возникновеніе, развитіе и исчезновеніе различныхъ формъ борьбы личности съ окружающей ее средой, постоянную смѣну, возникновеніе, развитіе и перемѣщеніе нормъ гражданскаго и публичнаго права. Всѣ эти формы и нормы, разнообразясь въ зависимости отъ условій мѣста и времени и обнаруживая въ однихъ кодексахъ, институтахъ и нормахъ большую силу публичнаго элемента, въ другихъ, наоборотъ, гражданскаго — однородны въ томъ смыслѣ, что всѣ одинаково условны и носятъ на себѣ печать этой борьбы.

Въ этомъ природа права, его сущность. Какъ кислородъ горитъ въ соотвѣтствующей средѣ, такъ и личность борется съ

---

[1]) Самостоятельное историко-догматическое изслѣдованіе или систематическій анализъ того или другого права, кодекса или отдѣла,—не входитъ въ предѣлы поставленной нами задачи. Но всѣ приведенные примѣры, представляющіе, главнымъ образомъ, лишь *иллюстраціи* къ высказанной мысли, не могутъ въ то же время не служить и частичнымъ подтвержденіемъ ея.

окружающими ее условіями, неизбывно стремится преодолѣть условія, неблагопріятныя для нея. Неудивительно поэтому, что тѣ попытки, которыя дѣлались и дѣлаются для разграниченія этихъ двухъ, неразрывно и взаимно связанныхъ между собою началъ личности и общества,—были заранѣе и фатально обречены на неуспѣхъ. Всѣ онѣ заканчивались либо перемѣщеніемъ проблемы въ другую плоскость, т. е. въ конечномъ счетѣ отказомъ отъ нея,—либо неудачнымъ ея разрѣшеніемъ.

А попытокъ такихъ было не мало.

«Что касается интересовъ частныхъ лицъ и что—интересовъ всего общества?»—понынѣ ставятъ себѣ юристы вопросъ, пытаясь рѣшить задачу по Ульпіановской формулѣ. И съ горечью вынуждены признать, чо немыслимо провести грань между частными и общественными интересами; что степень важности интересовъ—неуловимый критерій, слишкомъ подвижный, чтобъ при помощи его различать частное право отъ публичнаго. И въ самомъ дѣлѣ, что «важнѣе»: интересы квартальнаго Мымрецова, или редакція вліятельной газеты? Что важнѣе: интересы рабочаго Петра Иванова, или интересы крупной акціонерной компаніи, которая эксплоатируетъ жизнь и здоровье этого Иванова? Интересы имѣющей государственное значеніе компаніи въ цѣломъ, или права отдѣльныхъ ея членовъ? Что предпочесть: «количство», степень важности интереса, или его характеръ, его «качество?» Какова скала этихъ интересовъ?

«Сферу гражданскаго права составляютъ—частныя имущественныя отношенія»,—пытается рѣшить проф. Мейеръ вопросъ **о характерѣ** интересовъ, касающихся гражданскаго права. Но какія именно имущественныя отношенія представляютъ **частный** интересъ и какія изъ имущественныхъ отношеній представляютъ **общественный** интересъ, при такомъ отвѣтѣ остается все же не рѣшеннымъ. Имѣетъ ли имущественное правоотношеніе между мной, какъ авторомъ, и издательствомъ, выпускающимъ «Личность въ правѣ», частный, только меня, Вишняка, касающійся интересъ, или оно имѣетъ, по крайней мѣрѣ, должно имѣть общественное значеніе и находиться подъ общественымъ контролемъ? Представляютъ ли имущественныя отношенія въ крестьянской семьѣ только частный интересъ данной опредѣленной семьи или они касаются и общественныхъ интересовъ всего крестьянства, всей округи? Все это остается въ такой же степени безъ отвѣта, въ какой неопредѣленными становятся или остаются взаимо-

отношенія въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣстѣ и одновременно съ имущественными интересами какой-нибудь коллективъ, напр., та же семья, церковь, община, учебныя заведенія и проч. преслѣдуетъ интересъ и неимущественнаго характера. Гдѣ тутъ сфера гражданскаго права и гдѣ сфера публичнаго? Какъ провести грань?

«Дѣйствительно, терминъ «гражданское право», который всѣми употребляется, какъ общеизвѣстный, подъ которымъ какъ будто разумѣется что-то очень опредѣленное, точное, «безспорное»—если его разобрать хорошенько,—пишетъ извѣстный К. Д. Кавелинъ [1]),—оказывается крайне сбивчивымъ, неопредѣленнымъ, не точнымъ». Какія юридическія отношенія, права и обязанности разумѣются и должно разумѣть подъ общимъ выраженіемъ «гражданское право»,—вотъ одинъ изъ труднѣйшихъ и запутаннѣйшихъ вопросовъ въ современной наукѣ права.— И съ своей стороны, Кавелинъ предлагаетъ къ гражданскому праву въ томъ видѣ, какимъ оно должно быть, отнести «всѣ права и юридическія отношенія, которыя имѣютъ предметомъ физическія вещи, услуги и вообще всякія матеріальныя вещественныя цѣнности». Всѣ имущественныя отношенія, безразлично, частнаго или публичнаго характера, образуютъ гражданское право,—рѣшаетъ Кавелинъ поставленную задачу. Въ такомъ же смыслѣ рѣшаетъ проблему и германскій ученый Зомъ.

Первый вопросъ о признаніи частнаго или общественнаго характера за данными имущественными отношеніями,—за какими именно?—вопросъ, нерѣшенный Мейеромъ, такимъ образомъ, отпадаетъ, но второй вопросъ, по какому признаку, какъ размежевать правоотношенія тамъ, гдѣ имѣется и имущественный и неимущественный интересы, — такъ и остается безъ отвѣта. А сюда-то именно и перемѣстилась проблема, когда она была устранена (не разрѣшена!) въ другой плоскости. Достаточно хоть въ общихъ чертахъ изложить систему права, къ которой логически вынужденъ былъ придти Кавелинъ, чтобы отказаться отъ того критерія, которымъ онъ пользуется и которымъ онъ не рѣшаетъ, а разрубаетъ поставленную проблему.

---

[1]) Статья: «Что есть гражданское право и гдѣ его предѣлы?» Собр. соч. т. IV.

По проекту Кавелина, личныя семейственныя права составили бы введеніе въ систему публичныхъ правъ или образовали бы ихъ первую главу; опека вошла бы въ составъ полицейскаго права и заняла бы мѣсто среди мѣръ, служащихъ къ огражденію личности и имущества: въ гражданское и имущественное право попали бы подати, налоги, акцизы, пошлины, пенсіи, экспропріація, конфискація, денежныя взысканія, штрафы, всевозможные сборы и повинности, въ томъ числѣ и... воинская повинность... на томъ основаніи, что въ «обязательномъ, безвозмездномъ личномъ трудѣ на пользу государства въ продолженіе опредѣленнаго времени съ оставленіемъ другихъ занятій, нерѣдко выгодныхъ или болѣе соотвѣтствующихъ личнымъ желаніямъ, наклонностямъ и привычкамъ, — заключается обязательство, имѣющее предметомъ личный трудъ, личную дѣятельность, представляющую извѣстную имущественную цѣнность» [1]).

Такая классификація и логическая цѣльность системы права дѣлаетъ, конечно, честь мужеству ея автора, но она не удовлетворительна. Частнымъ признакомъ **имущественной** цѣнности она хочетъ покрыть содержаніе всего отношенія, даже тамъ, гдѣ имущественный моментъ въ правоотношеніи играетъ лишь второстепенную или даже совершенно ничтожную роль, какъ, напр., при воинской повинности. И если наличность хоть какой-либо доли или какого-либо отношенія, хотя бы самаго отдаленнаго, къ имущественному признаку даетъ возможность все правоотношеніе отнести къ отдѣлу «гражданскаго права», то, спрашивается, почему семейное право, опека и проч. не попадаютъ въ тотъ же разрядъ права? Почему въ такомъ случаѣ и все государственное право и въ тѣсномъ, и въ широкомъ смыслѣ слова [2]) не включить въ сферу «гражданскаго права»?

Вѣдь цивильный листъ монарха, жалованіе чиновниковъ, діэты депутатовъ, концессіи и патенты, выступленіе государства въ роли фиска-казны,—все одинаково носитъ отпечатокъ имущественной цѣнности или интереса. Почему и ихъ не вклю-

---

[1]) Тамъ же, стр. 896.

[2]) Къ государственному праву въ тѣсномъ смыслѣ можно отнести всю совокупность нормъ, опредѣляющихъ органы власти, характеръ и функціи ея дѣятельности, предѣлы ея компетенціи и проч. Къ государственному праву въ широкомъ смыслѣ можно отнести все право уголовное, матеріальное и процессуальное, административное и государственное въ тѣсномъ смыслѣ.

чить въ такомъ случаѣ въ «гражданское право»? А если включить, то возникаетъ прежній вопросъ, что же тогда «не гражданское право»? Вѣдь при такомъ рѣшеніи стирается всякое различіе между правомъ и «гражданскимъ» правомъ. И немудрено, такъ какъ всю сферу права, «регулирующаго общежитіе» и «опредѣляющагося характеромъ общежитія», условіями времени и мѣста его нахожденія, составляютъ люди, т. е. такія существа, между которыми всѣ правоотношенія возникаютъ и заключаются по поводу, на основаніи, въ условіяхъ, въ цѣляхъ, однимъ словомъ, такъ или иначе касательно матеріальныхъ объектовъ, имѣющихъ, имѣвшихъ или могущихъ имѣть «имущественную цѣнность». Отрадно или горько въ этомъ признаться, но таковъ характеръ человѣческаго общежитія, таковъ же характеръ и его правовыхъ нормъ. И если къ гражданскому праву отнести всѣ отношенія, носящія въ себѣ хоть какой нибудь элементъ «имущественной цѣнности», какъ, напримѣръ, воинская повинность, то понятіе «права», такимъ образомъ, отождествится съ понятіемъ «гражданскаго права»; другими словами, на вопросъ о томъ, что есть гражданское право, мы получаемъ въ такомъ случаѣ отвѣтъ: «гражданское право—есть право»,— въ чемъ никто не сомнѣвался и до заданія вопроса. Такъ плачевно заканчивается ошибочная въ своемъ исходномъ пунктѣ, въ постановкѣ вопроса, попытка Кавелина.

«Въ римскомъ правѣ публичное право сливалось съ государственнымъ»,—замѣчаетъ извѣстный нѣмецкій юристъ Отто Гирке,—иначе обстоитъ, по его увѣреніямъ, дѣло въ современномъ правѣ, и вотъ онъ размежевываетъ частное-индивидуальное и публично-государственное право и намѣчаетъ въ своемъ ученіи о «Товариществѣ» (Genossenschaft) новое **соціальное** право.

«Согласно германскому и новѣйшему воззрѣнію на право, общество не исчерпывается государствомъ, но одновременно съ послѣднимъ обнаруживаетъ себя во множествѣ иначе образованныхъ общеній («in einer Fülle andersgearteter Gemeinschaften») съ самостоятельными цѣлями: въ семьѣ, церкви, общинѣ, товариществѣ, въ международномъ общеніи. Такимъ образомъ, существуетъ безконечно много проявленій соціальнаго права, которыя въ то же время не являются государственнымъ

правомъ» [1]). Изъ этой области къ праву государственному, которое, такимъ образомъ, не сходится уже съ правомъ публичнымъ, будетъ относиться лишь то, что важно для общества съ точки зрѣнія государства. «Государство, какъ суверенный союзъ, придаетъ различнымъ проявленіямъ соціальнаго права неравное значеніе. Это находится въ зависимости отъ той роли, которую государство приписываетъ тому или другому виду общенія (семьѣ, общинѣ, церкви и проч.) для своей собственной жизни. На мѣсто проблемы личности и общества становится проблема взаимоотношенія личности и государства.

При рѣшеніи этой проблемы положительное значеніе взглядовъ Гирке исчерпывается его критикой воззрѣній, отождествляющихъ понятіе публичнаго права съ понятіемъ государственнаго права и въ государственномъ общеніи видящихъ единственную форму человѣческаго общенія, въ которой проявляется общественно-важное начало. Ниже намъ придется подробнѣе остановиться на тѣхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ приводитъ ошибочное отождествленіе «общественности» съ «государственностью»,—здѣсь же ограничимся указаніемъ, что государство, съ точки зрѣнія формально-логической, является въ такой же степени лишь **функціей** человѣческаго общенія, въ какой ею является и семья, и церковь, и община, и товарищество, и международный союзъ. Все это—психическія функціи, въ большинствѣ случаевъ имѣющія и физическія послѣдствія, но лишь чрезъ посредство человѣческой психики. Инстинктъ воспроизведенія, любовь къ ближнему, къ «дальнему», голодъ—все это естественныя силы природы, получающія свое выраженіе и удовлетвореніе лишь въ результатѣ волевого акта человѣка.

---

[1]) Otto Gierke. «Deutsches Privatsrecht» Erster Band 1895 г. S. 27. Взгляды Гирке наиболѣе полно изложены въ его пространныхъ первоначальныхъ трудахъ: «Das deutsche Genossenschaftsrecht» и особенно «Die Genossenschaftstheorie und die deutsche Rechtsprechung». Здѣсь мы можемъ ограничиться ссылками на его «Deutsches Privatsrecht» позднѣйшаго времени, гдѣ суммирована сущность взглядовъ развитыхъ въ его предыдущихъ трудахъ.—См. также докладъ «Соціальныя задачи частнаго права», прочитанный Гирке въ Вѣнскомъ Юридическомъ обществѣ (выпущенъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1889 г.), въ которомъ Гирке выставилъ свой знаменитый тезисъ: «наше (германское, въ отличіе отъ романскаго, римскаго) публичное право необходимо обвѣять дуновеніемъ естественно-правовой свободы, а наше частное право необходимо пропитать каплей соціалистическаго масла».

Языкъ, религія, народъ, сотрудничество и т. д. предполагаютъ наличность человѣческой воли и суть лишь различныя формы проявленія такой воли въ отношеніи множества людей. Въ основѣ всѣхъ всѣхъ этихъ функцій, ихъ субстанціей (если допустить употребленіе этого слова) всегда остаются только люди. «Правда,—говоритъ Рудольфъ Іерингъ,—государство и церковь заключаютъ въ себѣ такое безконечное богатство жизненнаго матеріала, что сравнительно съ ними всѣ прочіе союзы—что мышь въ сравненіи со львомъ. Но и мышь, и левъ животныя млекопитающіяся, и кто бы что ни говорилъ, нельзя отрицать, что государство и церковь одинаково принадлежатъ къ категоріи общеполезныхъ союзовъ: различіе между ними не структурное, а исключительно **функціональное,** т. е. основано не на различіи въ ихъ юридическомъ механизмѣ, а на различіи ихъ **цѣли** [1]). «Субстанціировать» государство, какъ самостоятельное единство, имѣющее собственное существованіе, столь же мало есть основаній, сколь же мало ихъ имѣется и для выключенія государственнаго права изъ сферы соціальнаго права. И семья, и государство, и община и проч., представляютъ каждое въ отдѣльности лишь одинъ изъ видовъ человѣческаго общенія, имѣющихъ одинаковое логическое основаніе для признанія за ними самостоятельной «субстанціи» [2]).

И объединеніе «безконечно многихъ проявленій соціальнаго права» семьи, церкви, общины, товарищества и международнаго общенія въ одно цѣлое, какъ это дѣлаетъ Гирке, формально также мало основательно, какъ и противоположеніе этого соціальнаго права—праву государственному. Начавъ съ указанія и критики римскаго права, отождествившаго и слившаго публичное право съ государственнымъ, Гирке кончилъ противоположеніемъ государственнаго права соціальному, публичному, т. е. попалъ въ противоположную, одинаково неправильную крайность. Римляне учили: только государственное право **есть** публичное право. Гирке говоритъ: только государственное право **не есть** публичное право. Если римское право грѣшило тѣмъ, что помимо государства не признавало общественнаго значенія ни за какой другой формой человѣческаго общенія, то Гирке погрѣшаетъ въ томъ, что не признаетъ за государствомъ значенія, равноцѣннаго съ другими видами человѣческаго общенія. И то,

---

[1]) Рудольфъ фон-Іерингъ: «Цѣль въ правѣ». Т. 1. Рус. пер. стр. 226.
[2]) Подробнѣе см. у тѣхъ же: Кистяковскаго, Еллинека и друг.

и другое воззрѣніе одинаково выдѣляетъ государства на особое исключительное мѣсто; и то, и другое характерно тѣмъ, что надѣляетъ государственное право исключительными свойствами, достоинствами или недостатками.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности государственное право есть лишь одинъ изъ видовъ публичнаго права, имѣющій такое же основаніе для логическаго своего выдѣленія изъ общаго понятія права, какъ понятіе государства изъ общаго понятія формы человѣческаго общенія [1]). Государство есть лишь одна изъ многихъ функцій человѣческаго общенія. И то, что важно для общества, важно для него только какъ для совокупности людей, преслѣдующихъ тѣ или другія цѣли и интересы, и только съ точки зрѣнія этихъ людей. Поэтому государству, какъ таковому, приходится отказать,—несмотря на все желаніе проф. Гирке,—въ признаніи за нимъ самостоятельной «точки зрѣнія». Она существуетъ или, вѣрнѣе, она не существуетъ такъ же, какъ не существуетъ самостоятельной точки зрѣнія семьи, помимо точки зрѣнія ея членовъ, воли государства помимо воли народа, рѣшенія церкви помимо участія вѣрующихъ и т. д. Ея не можетъ существовать, такъ же какъ не можетъ существовать «самостоятельной» точки зрѣнія у праваго или лѣваго полушарія человѣческаго мозга: «видѣть» глазъ можетъ въ разное время разное, но «точка зрѣнія» у него всегда одна и та же. Фактическія уклоненія бываютъ всегда, но это не колеблетъ общей нормы: цѣль и точка зрѣнія функціи выражаются и опредѣляются точкой зрѣнія и цѣлями ея «субстанціи»; функція, какъ таковая, не имѣетъ ни самостоятельныхъ точекъ зрѣнія, ни самостоятельныхъ цѣлей, даже въ томъ случаѣ, когда она воспринимается нашимъ сознаніемъ какъ цѣлое, какъ единство, имѣющее самостоятельное существованіе въ образѣ ли общества, государства, класса, семьи, общины безразлично.

Невозможность отыскать критерій для отличія гражданскихъ правоотношеній отъ публичныхъ по ихъ содержанію, по **матеріальному** моменту заставила обратиться къ **формальному** признаку.

---

[1]) Историческое возникновеніе разныхъ формъ человѣческаго общенія и фактическое значеніе каждой изъ нихъ въ современной жизни при *логическомъ* разсмотрѣніи вопроса можетъ быть опущено безъ ущерба для основной мысли.

Въ порядкѣ охраненія права стремятся узнать природу охраняемой этимъ порядкомъ правовой нормы. Если норма защищается по требованію потерпѣвшаго, то мы имѣемъ дѣло съ частнымъ правомъ, если же норма охраняется по инициативѣ государства, независимо отъ воли лица потерпѣвшаго, то нарушенная норма относится къ публичному праву.

Изслѣдованіе корней этого ученія ведетъ къ воззрѣнію Іеринга на право, по которому право безъ судебной защиты, это—«огонь, который не горитъ»; «какъ для огня существенно горѣніе, такъ для права существенно принужденіе къ соблюденію его путемъ суда».

Чтобы не останавливаться долго на этомъ воззрѣніи, мы только напомнимъ, что «принужденіе» вовсе не необходимый признакъ права. Существуетъ право,—какъ въ видѣ отдѣльныхъ нормъ, такъ и въ видѣ цѣлыхъ институтовъ и отдѣловъ,—осуществленіе коего обезпечивается не «принужденіемъ», а другими видами гарантій, напр., все международное, частью конституціонное право, такъ называемыя «obligationes naturales» [1]) римскаго и «leges imperfectae» [2]) современнаго права.

Возвращаясь къ взглядамъ Августа Тона, Дювернуа и друг., нетрудно увидѣть основной порокъ ихъ теоріи: «х» они опредѣляютъ черезъ «у», который предполагаетъ уже извѣстнымъ искомый «х». Природу правовой нормы, гражданско- или публично-правовой ея характеръ, они хотятъ опредѣлить порядкомъ ея охраны. Но какъ опредѣлить самый порядокъ охраны? Когда или какая норма находится подъ защитой частной инициативы, а какая подъ защитой государственной?

Еще Бэконъ говорилъ: At ius privatum latet sub tutela juris publici—гражданское право находится подъ покровомъ публичнаго права. Въ такой общей формѣ это утвержденіе справедливо. Все современное право, дѣйствительно, связано съ публично-правовымъ притязаніемъ на признаніе и защиту. Но

---

[1]) «Obligationes naturales»—натуральныя обязательства, непользовавшіяся вовсе судебной защитой и имѣвшія силу только для зачета въ случаѣ возникновенія новаго, обратнаго обязательства со стороны бывшаго кредитора по отношенію къ бывшему должнику, ставшему впослѣдствіи кредиторомъ.

[2]) «Leges imperfectae»—законы, называемые несовершенными по той причинѣ, что они не содержатъ въ себѣ санкціи, т. е. не снабжены указаніемъ на послѣдствія, коими сопровождается нарушеніе этихъ нормъ.

характеръ защиты различенъ въ различныхъ кодексахъ. Австрійскій кодексъ (§ 365 и др.), напр., обязываетъ слѣдователя ex officio принимать мѣры къ выясненію размѣровъ причиненнаго преступленіемъ вреда и предоставляетъ уголовному суду право возлагать на потерпѣвшее лицо обязанность предъявленія гражданскаго иска въ уголовномъ порядкѣ, въ то время какъ германское и большинство другихъ законодательствъ вовсе запрещаетъ предъявленіе гражданскаго иска въ порядкѣ уголовнаго суда и т. п. Такъ называемые «популярные иски» въ Римѣ, «Qui tam»... actiones въ Англіи—суть иски, въ силу которыхъ всѣмъ, даже непосредственно не пострадавшимъ лицамъ предоставлено право выступать на защиту общественныхъ интересовъ и предъявлять съ этой цѣлью иски въ судѣ.

Въ швейцарскомъ кантонѣ каждому причисленному въ кантону принадлежитъ право заявить жалобу въ союзномъ судѣ для признанія недѣйствительнымъ закона, противнаго союзному или кантональному праву.

Однимъ словомъ: порядокъ охраненія права такъ же измѣнчивъ и неопредѣлененъ, какъ и самое содержаніе правовыхъ нормъ. Иниціатива защиты права зависитъ отъ природы даннаго права, а не наоборотъ: не природа права находится въ зависимости отъ его защиты. Для того, чтобы знать, **какъ** защищать, надо знать прежде **что** защищать. Преслѣдованіе кражи въ гражданскомъ порядкѣ (Римъ) или въ уголовномъ (въ современной дѣйствительности) зависитъ отъ того, что въ первомъ случаѣ на кражу смотрятъ какъ на частное правонарушеніе, а во второмъ какъ на общественно-вредное преступленіе, а никакъ не наоборотъ.

Различный порядокъ охраненія права исходитъ отъ предположенія, что нормы права различны и что различіе это установлено, какъ отъ положенія, заранѣе даннаго и уже доказаннаго.

Вся теорія покоится, такимъ образомъ, на логической ошибкѣ, на типическомъ случаѣ petitio principii, т. е. исходитъ изъ предположенія доказаннымъ того, что именно и нуждается въ доказательствѣ.

Помимо того логическаго порока, который лежитъ въ самой основѣ этой теоріи, она вмѣстѣ съ другими теоріями погрѣшаетъ въ томъ, что смѣшиваетъ часть съ цѣлымъ: государство отождествляетъ со всей областью публичнаго права. Иниціатива со стороны государства опредѣляетъ, по этой теоріи, публичный

характеръ охраняемой нормы; всякая же иниціатива, проявленная отдѣльнымъ лицомъ или другой коллективностью, кромѣ государства, какъ бы ни были «общественно-важны» тѣ нормы, на защиту коихъ выступилъ данный индивидъ или коллективъ, опредѣляетъ, по этой теоріи, нормы частнаго характера, не имѣющія общественнаго значенія.

Подведемъ итоги.

Мы видѣли, что во всякомъ данномъ правѣ, его институтѣ или отдѣльной нормѣ—всегда можно констатировать наличность двухъ моментовъ, двухъ началъ, двухъ правъ,—«гражданскаго» и «публичнаго». Исторія и догма права обнаруживаютъ, что право есть результатъ борьбы личности съ обществомъ, что оно есть примиреніе идеи свободы съ необходимостью, предоставляемыхъ личности средой, обществомъ и обратно. Такова природа права, какъ она представляется съ историко-догматической точки зрѣнія.

Далѣе мы видѣли, что всѣ теоретическія попытки разграничить право на два самостоятельныхъ отдѣла, отличныхъ другъ отъ друга по своему матеріальному содержанію или по формальному признаку порядка своей защиты, одинаково неудачны. Онѣ въ большей своей части оказывались неудачными «по независящимъ отъ авторовъ причинамъ». Не субъективныя погрѣшности отдѣльныхъ авторовъ были причиной неудачи,—неудача объясняется объективными условіями, характеромъ самой проблемы, которую себѣ ставили, невозможностью вообще безнаказанно различать «гражданское» право отъ «публичнаго», не насилуя самой природы права и не рискуя въ то же время принести жизненныя отношенія людей въ жертву отвлеченной схемѣ [1]).

Этимъ опредѣляется отношеніе къ такого рода противопоставленію и различенію двухъ сферъ права, со временъ римскихъ

---

[1]) I. А. Покровскій вслѣдъ за Петражицкимъ («Die Lehre vom Einkommen», II, 462 и сл. «Ученыя Зап. Кіевскаго Университета» 1896 г. кн. 8) и Штаммлеромъ различаетъ публичное право какъ «систему юридической централизаціи отношеній и субординаціи»—сфера власти и подчиненія, и право гражданское—какъ «систему юридической децентрализаціи и координаціи»—сфера свободы и частной иниціативы.—См. I. А. Покровскаго цитир. сочин. стр. 12—11.

юристовъ являющемуся традиціоннымъ, съ точки зрѣнія **нашей** современной политики права.

Политика права предполагаетъ законодательное творчество, соціальное строительство. Политика права безъ преобразованія права, какъ вѣра безъ дѣла—мертва. Всякій законодательный актъ связанъ съ ломкою дѣйствовавшаго до него права. И если для законодательной или верховной власти въ государствѣ при осуществленіи какихъ бы то ни было мѣропріятій принципіально не можетъ возникать и вопроса о неприкосновенности права вообще,—то для политики права, все содержаніе которой и составляетъ принципіальное признаніе «прикосновенности» права, возможности его преобразованія,—такого вопроса не можетъ быть и подавно.

Долгъ всякой дѣйственной политики права — объявить борьбу всему тому, что мѣшаетъ ея дѣятельности, что налагаетъ узду на смѣлые порывы ея соціальнаго творчества и мертвой петлей хочетъ задушить борьбу личности съ окружающей ее средой.

Такой петлей, такой преградой свободному строительству жизни и права, является и та сухая, мертвящая схема, согласно которой однѣ нормы права относятся къ сферѣ частной, а другія—къ общественной.

Въ силу такого противопоставленія, индивидъ признается не основой общества и не его продуктомъ, — общество, съ другой стороны,—не совокупностью индивидовъ, не необходимой средой, въ которой живетъ современная личность, — а за каждымъ изъ нихъ признается право на самостоятельное существованіе, на самостоятельные интересы и свои особыя цѣли. Такое противопоставленіе, неправильное логически, неосновательное фактически,—особенно пагубнымъ становится тогда, когда съ прошлаго и настоящаго оно переносится на будущее, когда политика права задается цѣлью размежевать сферу самостоятельныхъ интересовъ личности и общества.

Чтобы избѣжать опасности преклоненія жизненной политики права передъ изжитой исторіей и абстрактной догмой права,—намъ необходимо было предварительно провѣрить эту схему съ точки зрѣнія той же исторіи и догмы права, продуктомъ коего она явилась

Только послѣ этого можемъ мы перейти къ положительной задачѣ, къ построенію, въ согласіи съ нашей общей точкой зрѣнія, **активной соціалистической** политики права.

ГЛАВА III.

> „Міръ юриста не есть тотъ міръ, который составляетъ предметъ теоретическаго познанія, ему принадлежитъ исключительно міръ дѣйствій практической жизни, это міръ вещей для насъ, а не вещей самихъ по себѣ“,
>
> *Еллинекъ.*

Въ предыдущей главѣ мы неоднократно отмѣчали, что право рождается отъ столкновенія индивида съ окружающей его средой, изъ борьбы личности съ обществомъ. Но борьба эта осложняется благодаря тому, что личность и общество суть тѣла не чужеродныя: общество само состоитъ изъ тѣхъ же личностей, совокупность коихъ охватывается лишь нашимъ сознаніемъ, какъ самостоятельное единство.

Только съ такой точки зрѣнія станетъ понятнымъ, почему задачей соціализма является гармоническое сочетаніе интересовъ личности и общества, точнѣе говоря: примиреніе интересовъ всѣхъ личностей съ соблюденіемъ полнаго безпристрастія.

Только съ такой точки зрѣнія станетъ понятнымъ и то, почему соціалистическая политика права, стремясь создать гарантіи для полнаго развитія личности, стремится въ то же время поставить эту личность подъ общественный контроль. «Наиболѣе важная цѣль соціализма, — пишетъ Антонъ Менгеръ [1]),—состоитъ какъ разъ въ томъ, чтобы превратить инсти-

[1]) «Новое ученіе о государствѣ». Изд. Скирмунта, стр. 99.

туты нашего частнаго права, въ публичное право (въ современномъ смыслѣ)».

Намъ теперь и предстоитъ разсмотрѣть, съ точки зрѣнія нашей политики права, чѣмъ именно должно стать въ будущемъ современное «частное» и «публичное» право?

Выше мы говорили все время о правѣ, какъ объ отдѣльной нормѣ или совокупности нормъ, т. е. о томъ правѣ, которое носитъ техническое названіе «право въ объективномъ смыслѣ». Отъ этого объективнаго права теоретическая юриспруденція отличаетъ «субъективное право», которое опредѣляется, какъ «сфера власти или свободы» (Виндшейдъ, за нимъ Хвостовъ и друг.), какъ «совокупность правомочій и притязаній (Бирлингъ, Леманъ и др.), которыя принадлежатъ личности на основаніи нормъ объективнаго права» или какъ «юридически защищенный интересъ» (Іерингъ), какъ «обусловленная объективнымъ правомъ возможность осуществленія интереса» (Шершеневичъ), какъ «то, что признается въ интересахъ индивида и снабжено возможностью правовой защиты» (Еллинекъ) и т. д.

Всякое право предполагаетъ наличность людей, между которыми возникаютъ юридическія отношенія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ субъективное право предполагаетъ наличность активнаго субъекта, которому принадлежитъ данное право, и субъекта пассивнаго, на которомъ лежитъ соотвѣтствующая обязанность.

Субъектъ, надѣленный правами и обязанностями, — есть правовой субъектъ. Содержаніемъ права активнаго субъекта является обязанность субъекта пассивнаго. Современная доктрина утверждаетъ, что характернымъ для публичнаго права, въ отличіе отъ права частнаго, является правило: «нѣтъ правъ безъ обязанностей и нѣтъ обязанностей безъ правъ». Въ соотвѣтствіи съ принципіальнымъ отрицаніемъ противоположности публичнаго права и права частнаго, мы полагаемъ, что соціалистическая политика права отрицаетъ наличность и возможность чьего бы то ни было и какого бы то ни было права безъ соотвѣтствующей обязанности, какъ и наоборотъ,—чьей бы то ни было обязанности безъ соотвѣтствующаго права [1].

---

[1]) Не лишено интереса, что тотъ же тезисъ: «нѣтъ правъ безъ обязанностей, нѣтъ обязанностей безъ правъ», мы встрѣчаемъ въ составленномъ Карломъ Марксомъ Статутѣ Международнаго Общества Рабочихъ.

Какъ право можетъ принадлежать одному или многимъ лицамъ, такъ и обязанность можетъ лежать на опредѣленномъ лицѣ или на группѣ лицъ. Одно и то же субъективное право можетъ одинаково принадлежать нѣсколькимъ, многимъ или всѣмъ членамъ общежитія, оно можетъ быть разверстано на нѣсколько равныхъ или неравныхъ частей, можетъ, наконецъ, быть расщеплено по видамъ своего проявленія (напр., принадлежать право можетъ всѣмъ, вѣдаютъ имъ нѣкоторые, а пользуются многіе).

Возвращаясь къ опредѣленію субъективнаго права и отношенію его къ объективному, слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду все то, что было сказано въ предыдущемъ объ отношеніи личности къ обществу,—индивида къ окружающей его средѣ, о подвижности предѣловъ нормъ «гражданскаго» и «публичнаго» права, о степени основательности подобнаго противопоставленія и т. д. Отрицая принципіальную противоположность между сферой частныхъ и общественныхъ интересовъ, мы въ то же время отрицаемъ принципіальную противоположность между «сферой власти или свободы» одного субъекта и «сферой власти и свободы» всѣхъ прочихъ субъектовъ.

Если субъективное право есть свобода, предоставленная личности объективнымъ правомъ,—то свобода эта обусловлена равенствомъ всѣхъ другихъ субъектовъ, членовъ даннаго общежитія.

«Право есть свобода, обусловленная равенствомъ». «Право есть синтезъ свободы и равенства», говоритъ Вл. Соловьевъ [1]). «Право есть возможность общаго и взаимнаго принужденія, согласующагося, — сообразно универсальнымъ законамъ, — со свободою каждаго»,—говоритъ Кантъ.

Если субъективное право предполагаетъ чью-либо обязанность,—то обязанность эта обусловливается равенствомъ обязанностей со стороны всѣхъ членовъ общежитія.

Равенство правъ и обязанностей — это основной догматъ соціалистической политики права, вытекающій изъ равноцѣнности человѣческихъ личностей. Принципъ равенства выходитъ за предѣлы формальнаго равноправія и, сохраняя связь съ принципомъ свободы, требуетъ не только равенства всѣхъ

---

[1]) См. собран. сочин. т. № 11, стр. 499.

передъ закономъ, но и равенства матеріальныхъ условій жизнедѣятельности личности, равенства возможностей или исходнаго пункта, equal start, какъ говорятъ англичане[1]). «Люди не могли бы быть свободными, если бы они не были равны, какъ не могли бы также, если бы не были свободны, достигнуть равенства, которое предполагаетъ въ нихъ сознаніе собственнаго достоинства и уваженіе къ достоинству другого»,—говоритъ извѣстный французскій философъ Ренувье[2]).

Сфера власти—и предѣлы свободы личности опредѣляются не на основаніи нормъ объективнаго права, а полагаются ею самою автономно: въ процессѣ самоограниченія, путемъ признанія свободы и власти за другими личность опредѣляетъ сферу своей собственной свободы, предѣлы своей собственной власти.

Вопросъ объ отношеніи «субъективнаго» права къ «объективному» въ историко-генетическомъ смыслѣ не имѣетъ реальнаго смысла, ибо оба эти понятія соотносительны другъ другу и предполагаютъ одно другое, какъ понятіе «дитя» предполагаетъ «родителя» и наоборотъ. Какъ нельзя личность мыслить внѣ общества или общество мыслить состоящимъ не изъ личностей, такъ же нельзя чьи-либо правомочія и обязанности, т. е. права субъективныя, мыслить внѣ какого бы то ни было права или правопорядка, т. е. внѣ права объективнаго, и обратно.

Въ политико-юридическомъ же смыслѣ также нельзя субъективное право, или право личности, разсматривать лишь какъ результатъ или проявленіе нормъ объективнаго права. Послѣднее признаетъ или гарантируетъ лицу опредѣленную сферу свободы и власти потому, что личность является реальнымъ стержнемъ всего права и безъ ея признанія немыслимо существованіе ни общества, ни какого бы то ни было правопорядка.

«Современное воззрѣніе,—замѣчаетъ проф. В. Нечаевъ,—отличается отъ точки зрѣнія **естественнаго** права только тѣмъ, что не признаетъ неизмѣнныхъ и постоянныхъ субъективныхъ

---

[1]) См. П. И. Новгородцева: «Кризисъ современнаго правосознанія». М. 1909 г. стр. 334.—Помимо общаго интереса, который представляетъ эта работа по трактуемой въ ней темѣ, она любопытна еще и тѣмъ, что авторъ даетъ опытъ философскаго обоснованія политическаго либерализма на основѣ заимствованныхъ изъ западной литературы идей соціальнаго воспитанія и солидаризма.

[2]) Цитирую по указанн. сочин. П. И. Новгородцева, стр. 310.

правъ, а разсматриваетъ послѣднія, какъ необходимую долю свободы лица **при данномъ строѣ общественныхъ отношеній»** [1]).

Но прежде, чѣмъ намѣтить содержаніе и направленіе, которыя должны принять «измѣнчивыя» и «непостоянныя» субъективныя права съ точки зрѣнія нашей политики права,—необходимо остановиться на томъ, кого эта точка зрѣнія можетъ признать носителемъ или субъектомъ права?

Субъектомъ права можетъ быть только лицо. То, что не есть лицо, не можетъ быть субъектомъ права. «Личность или лицо,—говоритъ Еллинекъ,—есть способность становиться носителемъ права, однимъ словомъ,—правоспособность» [2]). Признать кого-либо лицомъ, это значитъ признать его способнымъ вступить въ юридическія отношенія съ другимъ или другими лицами. Юридическое отношеніе предполагаетъ отношеніе между лицами.

Право древнихъ народовъ признавало «лицо» не за каждымъ человѣческимъ существомъ: рабъ признавался человѣкомъ, но не признавался правоспособнымъ, онъ считался вещью, а не лицомъ. Средневѣковое право признавало «лицо» не только за человѣческимъ существомъ: оно знаетъ договоры съ дьяволомъ и вѣдьмами и приговоры къ казни пѣтуховъ. Современное право признаетъ «лицо» за всѣми людьми и только за людьми, и въ то же время оно признаетъ «лицо» не только за отдѣльнымъ человѣкомъ, но и за совокупностью такихъ лицъ, мыслимыхъ какъ единство, какъ новое «лицо».

Отсюда проистекаетъ то различіе между физическимъ и юридическимъ лицомъ, которое было извѣстно еще римскимъ юристамъ.

Лицо или личность есть понятіе абстрактное, правовое, потому терминъ «физическое лицо», въ сущности говоря, логическая нелѣпость. Такая же нелѣпость, какъ, напримѣръ, физическая красота, физическая истина, ложь и т. п. Всѣ эти выраженія опредѣляютъ оцѣнку человѣка, его сужденіе, которое всегда носитъ абстрактный, логическій характеръ, можетъ быть истиннымъ или ложнымъ, моральнымъ или аморальнымъ, но не можетъ быть ни мокрымъ, ни сухимъ, ни теплымъ, ни прохлад-

---

[1]) См. статью «Субъективное право» въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Эфрона. (Курсивъ цитаты принадлежитъ проф. Нечаеву).

[2]) G. Iellinek. «System der subjectiven öffentlichen Rechte» Freiburg. 1902, s. 26.

нымъ. Физическіе признаки вообще,—человѣка въ частности,—при данномъ логическомъ разсмотрѣніи вопроса не имѣютъ никакого значенія: «не существуетъ никакой естественной, существуетъ только юридическая личность,—говоритъ Еллинекъ. Обозначеніе: физическое лицо,—заключаетъ въ себѣ contradictio in adjecto; физически можетъ быть дана только субстанція или ея функція—личность же есть только абстрактное психологически воспринимаемое отношеніе» [1]).

Такимъ образомъ, различіе физическаго и юридическаго лица, которымъ оперируетъ теорія права,—имѣетъ только тотъ смыслъ, что въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ «сферой власти или свободы» отдѣльнаго человѣка, признаваемаго правоспособнымъ «лицомъ»,—а во второмъ—со «сферой власти или свободы» коллективности, ряда людей, признаваемыхъ въ цѣломъ за единство, могущее быть носителемъ права и обязанностей, за самостоятельное «лицо».

Съ такой точки зрѣнія, если товарищество и община, семья и церковь, государство и международный союзъ, какъ формы человѣческаго общенія, суть различныя психическія функціи,—то совокупность членовъ этихъ формъ общенія, организованныхъ какъ цѣлое въ единство,—является субъектомъ возникающихъ првоотношеній, становится, такъ называемымъ, юридическимъ лицомъ.

Не останавливаясь подробнѣе на всѣхъ чрезвычайно сложныхъ и многочисленныхъ теоріяхъ юридическаго лица,—мы отмѣтимъ вкратцѣ тѣ главныя измѣненія, которыя претерпѣла старая теорія юридическаго лица, и то направленіе, въ которомъ, какъ намъ кажется, этой теоріи суждено найти свое удовлетворительное рѣшеніе.

Наиболѣе широкимъ признаніемъ до нашихъ дней все еще пользуется римская теорія юридическаго лица, такъ называемая теорія **фиктивнаго** или **фингированнаго** лица.

Изъ соображеній юридической техники и потребности гражданскаго оборота, для удовлетворенія историческихъ задачъ своего времени, римскіе юристы прибѣгали къ вымыслу, къ фикціи, и въ тѣхъ правоотношеніяхъ, гдѣ не было видимаго физи-

[1]) Тамъ же, стр. 27.

ческаго субъекта права, гдѣ была неопредѣленная масса лицъ или союзъ лицъ,—субъектомъ права признавали вымышленное, фиктивное юридическое лицо. Въ соотвѣтствіи съ общимъ индивидуалистическимъ духомъ своего права, римляне, по аналогіи съ правами физическаго лица, надѣляли и свое фиктивное юридическое лицо такой же силой власти. Нѣкоторыми правами, — напримѣръ, семейно-наслѣдственными, — эти лица, конечно, обладать не могли по самой своей природѣ, но тѣми правами, коими они пользовались, они пользовались уже въ полной мѣрѣ и во всемъ объемѣ. Отсюда сосредоточеніе всей въ рукахъ **представителей** различныхъ соединеній людей, такъ называемыхъ, юридическихъ лицъ, и полное безправіе всѣхъ правіе всѣхъ прочихъ, простыхъ членовъ такихъ соединеній.

Въ противоположность утвержденію римскихъ юристовъ въ половинѣ XIX вѣка выдвинута была Безелеромъ и развита Блунчли, Гирке, Регельсбергеромъ и другими теорія, согласно которой юридическое лицо вовсе не фикція, а дѣйствительный, подлинно-сущій субъектъ, столь же реальный, какъ и физическое лицо. Эти юридическія лица, будучи неуловимыми для нашихъ внѣшнихъ чувствъ, образуютъ **соціальные организмы,** способные обнаруживать свою собственную самостоятельную волю.

И та, и другая теорія, на нашъ взглядъ, одинаково неправильны. Первая, будучи безсильной объяснить цѣлый рядъ юридическихъ явленій, въ то же время приноситъ въ жертву абстрактной фикціи и юридической техникѣ права и интересы большинства членовъ союзнаго общенія.

Вторая, — признавая реальное существованіе за соціальными организмами, приближается тѣмъ самымъ къ устарѣвшей, отвергнутой наукой и жизнью органической теоріи и неизбѣжно влечетъ за собою ложную и реакціонную постановку политики права: всякій «организмъ» развивается изъ себя, постепенно, эволюціонно, имманентно,—отсюда и въ области права «организмы» необходимо уберечь отъ тлетворнаго вліянія соціальнаго творчества и пагубнаго вмѣшательства соціальныхъ «экспериментаторовъ». Таковъ неизбѣжный выводъ и смыслъ отмѣченной теоріи.

Правильное и удовлетворительное рѣшеніе теорія юридическаго лица, какъ намъ представляется, можетъ получить въ той постановкѣ, которую нѣмецкіе юристы придаютъ такъ называе-

мому «личноправовому сообществу» (personenrechtliche Gemeinschaft).

Тотъ же Гирке, который въ юридическихъ лицахъ видитъ соціальные организмы (онъ самъ себя называетъ органологомъ), замѣчаетъ, что тогда какъ романистическая доктрина знаетъ только двоякихъ субъектовъ права — лица физическія и лица юридическія, — германскому праву извѣстно еще Personenrechtliche Gemeinschaft, какъ особый родъ правового субъекта. «Существуютъ два вида этого правового субъекта: «сообщество совмѣстной руки» (Gemeinschaft der gesammten Hand) и «сообщество въ силу господствующей власти» (Gemeinschaft Kraft herrschaftlichen Gewalt), — и тотъ и другой встрѣчаются не только въ частномъ, но и въ публичномъ правѣ. Частное право соприкасается при этомъ самымъ интимнымъ образомъ съ публичнымъ правомъ»,—признается далѣе Гирке, и въ согласіи съ общимъ своимъ взглядомъ на существованіе самостоятельныхъ сферъ частнаго и публичнаго права (см. объ этомъ въ предыдущей главѣ) переходитъ къ разсмотрѣнію этого рода сообществъ въ гражданскомъ правѣ [1].

Мы не станемъ входить въ детали его изложенія; ограничимся только нѣсколькими наиболѣе характерными цитатами, тѣмъ болѣе, что мы не задаемся здѣсь цѣлью дать исчерпывающій отвѣтъ на вопросъ о природѣ юридическаго лица, а хотѣли показать только общее направленіе, въ котором̆ъ этотъ отвѣтъ можетъ быть найденъ.

«Gemeinschaft der gesammten Hand» [2]) есть такое сообщество, въ которомъ связанныя между собой личности совокупно призываются къ активному участію въ общей для всѣхъ нихъ сферѣ. Здѣсь обнаруживается **единство** лица во **множественности** участниковъ. Въ отношеніяхъ

---

[1]) См. Gierke «Deutsches Privatrecht» S. 663.

[2]) Названіе «сообщество совмѣстной руки» происходитъ отъ стараго правового обыкновенія путемъ нагляднаго соединенія рукъ тѣхъ, кто совмѣстно заключаетъ сдѣлку,—указать на обязанность этихъ субъектовъ между собой. Другіе юристы обозначаютъ этотъ видъ сообщества какъ «коллективное единство» или «формальное единство». Въ своемъ историческомъ развитіи виды «лично-правового сообщества» коренятся въ отношеніяхъ между членами семьи и между сонаслѣдниками и только впослѣдствіи, по образцу этихъ первоначальныхъ отношеній, складываются сообщества, преслѣдующія различныя цѣли и чуждыя кровныхъ основъ. См. тамъ же, ст. 664—665 и 669, а также примѣчаніе 27 къ стр. 669.

внутреннихъ господствуетъ совокупная воля всѣхъ, какъ единая воля сообщества; въ отношеніяхъ внѣшнихъ правомочнымъ, правообязаннымъ и дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ множественность. При этомъ, однако, вовсе не исключена возможность предоставленія одному изъ участниковъ роли главы сообщества, но за совокупностью участниковъ должно быть сохранено высшее значеніе, такъ что надъ властью главы должна стоять власть совокупной воли всѣхъ участниковъ и, несмотря на всѣ правомочія, связанныя съ представительствомъ главы сообщества, полное выраженіе сообщества возможно только при совокупномъ участіи всѣхъ членовъ сообщества» [1]). Въ предѣлахъ сообщества «совмѣстной руки» сочлены образуютъ единство лица и потому они управомочены или обязаны не сами по себѣ, а въ своей связанности, «всѣ вмѣстѣ» или «коллективно» [2]).

Во многихъ сообществахъ «совмѣстной руки» рѣшенія постановляются большинствомъ голосовъ. Тамъ же, гдѣ нѣтъ надобности въ рѣшеніи, тамъ общая воля опредѣляется либо мнѣніемъ главы сообщества, либо мнѣніемъ каждаго или опредѣленныхъ его сочленовъ. Почти всегда выполняетъ волю управляющій, глава сообщества или отдѣльные завѣдующіе.

Съ другой стороны, къ надзору призываются часто всѣ или отдѣльные члены сообщества или представительное его учрежденіе. Подобное распредѣленіе общественной въ «Gemeinschaft zur Gesammten Hand» воли опредѣляется разъ навсегда путемъ закона или соглашенія. Внутренній же распорядокъ сообщества приближается къ корпоративному устройству и не рѣдко являетъ собой видъ общественной организаціи [3]).

«Сообществомъ въ силу господствующей власти» мы назовемъ отношеніе, которое возникаетъ въ сообществѣ многихъ лицъ между лицами, облеченными властью и подвластными. Если проявленія господствующей власти ограничиваются благодаря участію въ этихъ проявленіяхъ подчиненныхъ власти членовъ, то этимъ прежнее содержаніе «лично-правового общенія» не исчезаетъ окончательно, а только становится инымъ, сравнительно съ «сообществомъ совмѣстной руки» [4]).

---

[1]) Тамъ же стр. 664.
[2]) Тамъ же, стр. 667.
[3]) Тамъ же, стр. 688, 689.
[4]) Тамъ же, стр. 697.

Ограничимся этимъ, недостаточно, правда, полнымъ и отчетливымъ (особенно въ переводѣ на русскій языкъ),—извлеченіемъ изъ книги Гирке и обратимся къ тому, что въ его взглядахъ нуждается въ исправленіи и дополненіи.

Слова Гирке должны быть исправлены прежде всего въ томъ смыслѣ, что сообщества, аналогичныя «Personenrechtliche Gemeinschaft», если и неизвѣстны другому праву, помимо германскаго,—то все же они одинаково знакомы и другимъ «дѣйствительностямъ», помимо германской. Если же никакое другое право такого вида сообществъ еще не знаетъ, то это объясняется вообще тѣмъ, что признаніе права не всегда совпадаетъ съ фактами жизни, и въ частности тѣмъ, что германская юридическая мысль, дѣйствительно, оставила далеко за собой достигнутое другими народами.

Слова Гирке о «лично-правовомъ общеніи» съ точки зрѣнія нашей политики права должны быть распространены и на тѣ виды сообщества, которые вообще называются «юридическими лицами», и которые Гирке выдѣляетъ въ «соціальные организмы» Тѣ два довода, которые приводитъ Гирке противъ признанія «лично-правового сообщества» за юридическое лицо,—на нашъ взглядъ, оба одинаково мало убѣдительны.

По мнѣнію Гирке, «лично-правовое общеніе» не есть юридическое лицо, во-первыхъ, потому, что оно не признается за таковое со стороны дѣйствующаго законодательства, а во-вторыхъ, потому, что это сообщество есть правовое отношеніе, а не правовой субъектъ [1]), какимъ является юридическое лицо.

Врядъ ли признаніе или непризнаніе со стороны дѣйствующаго въ данное время законодательства можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ опредѣленію юридической природы того или другого вида человѣческаго общенія. Ссылка на дѣйствующее законодательство, какъ на высшую инстанцію для опредѣленія истиннаго характера возникшаго правоотношенія, обозначаетъ собой, прежде всего, отказъ отъ самостоятельнаго научнаго рѣшенія проблемы, а затѣмъ—замѣну юридическаго разсмотрѣнія вопроса—политическимъ усмотрѣніемъ со стороны «дѣйствующаго законодательства». Этотъ отказъ и эта подмѣна тѣмъ болѣе характерны, что они исходятъ изъ устъ профессора-юриста, признаннаго авторитета современной науки.

---

[1]) Тамъ же, стр. 660.

Не менѣе любопытенъ и второй доводъ Гирке противъ признанія «лично-правового общенія» «за юридическое лицо». Оказывается, что это сообщество, не въ примѣръ прочимъ, не имѣетъ правового субъекта, а есть только правовое отношеніе. Одно изъ двухъ: либо это есть правовое отношеніе,—но тогда у этого сообщества имѣется и правовой субъектъ, ибо нѣтъ правового отношенія безъ правового субъекта,—либо это не есть правовое отношеніе и въ такомъ случаѣ оно, конечно, не нуждается и въ субъектѣ правъ? Въ послѣднемъ случаѣ остается безъ отвѣта вопросъ о томъ, что же такое представляетъ изъ себя это сообщество, если оно не есть правовое отношеніе. Въ первомъ же случаѣ, субъектъ правъ, на нашъ взглядъ, есть вся совокупность членовъ сообщества; говоря словами самого Гирке: «единство лица обнаруживается здѣсь во множественности его участниковъ», «множество воли порождаетъ изъ себя единую волю».

Ученый юристъ создалъ искусственный доводъ въ пользу выдѣленія на самостоятельное мѣсто своихъ «соціальныхъ организмовъ». Мало того, онъ просмотрѣлъ въ своей собственной аргументаціи теоріи «лично-правового общенія» указаніе на утеряннаго имъ субъекта этого общенія. Въ результатѣ—проблема юридическаго лица не получила окончательнаго своего рѣшенія даже у Гирке, который ближе всего, почти вплотную, подошелъ къ ея рѣшенію, но... испугавшись «дѣйствующаго законодательства», пошелъ по ложной стезѣ «соціальныхъ организмовъ».

Выше мы сказали, что этотъ видъ сообщества, который германское право знаетъ подъ именемъ «Zur gesammten Hand», извѣстенъ не одной только германской дѣйствительности. Обращаясь къ русской жизни, мы въ ней находимъ такія же «сообщества», которыя вполнѣ удовлетворяютъ условіямъ и признакамъ, требуемымъ германскимъ правомъ для признанія ихъ за «Personenrechtliche Gemeinschaft». Укажемъ здѣсь прежде всего на тѣ немногія попытки, которыя дѣлались въ русской научной литературѣ для сближенія въ этомъ направленіи юридической конструкціи подобнаго рода сообществъ германской и русской жизни.

Такъ, напримѣръ, А. Гуляевъ конструируетъ юридическую природу современнаго русскаго крестьянскаго двора при участковомъ или подворномъ владѣніи совершенно тождественно съ теоріей Гирке. Онъ признаетъ крестьянскій дворъ, представляю-

щій собой, по его мнѣнію, общину въ миніатюрѣ, за «Gemeinschaft zur gesammten Hand»,». «Каждое лицо, сохраняющее постоянную связь съ семьей, должно быть признано членомъ коллективнаго субъекта правъ на надѣлъ» [1]).

А. И. Лыкошинъ робко и неувѣренно, но пытается конструировать семейную собственность у крестьянъ въ томъ же духѣ: «при семейной собственности,—говоритъ онъ,—такъ же (какъ и при общинномъ владѣніи) имѣется владѣніе юридическаго лица (крестьянскаго двора), но въ то же время каждому изъ членовъ двора принадлежитъ вполнѣ реальное право на землю, состоящую въ надѣлѣ двора» [2]).

А. С. Изгоевъ сводитъ русскую общину, если не непосредственно къ нѣмецкой формѣ «Personenrechtliche Gemeinschaft» то, во всякомъ случаѣ, къ чрезвычайно близкой къ ней конструкціи. Можно даже предположить, что онъ не пользуется конструкціей нѣмецкихъ юристовъ не по принципіальному съ ней несогласію, а просто по незнакомству съ ней или по какой-либо другой случайной причинѣ.

Содержаніе общиннаго права онъ видитъ въ индивидуальныхъ правахъ всѣхъ общинниковъ и, развивая взгляды Побѣдоносцева [3]), приходитъ къ своему опредѣленію общиннаго права, какъ права индивидуальнаго, въ силу котораго каждый крестьянинъ домохозяинъ на равныхъ съ прочими домохозяевами основаніяхъ пользуется участкомъ земли [4]).

Можно указать еще на рядъ подобныхъ же попытокъ. Но всѣ онѣ въ одинаковой мѣрѣ только первыя и робкія по-

---

[1]) Гуляевъ. «Крестьянскій дворъ», журн. Мин. Юст. 1899 г. № 4, стр. 83.

[2]) А. И. Лыкошинъ. «Семейная собственность у крестьянъ», жур. Мин. Юст. за 1900 г. № 5 и 6. См. стр. 122.

[3]) Побѣдоносцевъ еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ писалъ объ общинномъ владѣніи: «Община и члены ея, по отношенію къ праву, сливаются вмѣстѣ, и не община составляетъ субъектъ права, а всѣ ея члены суть субъекты права, и владѣніе выражается и обнаруживается не въ иномъ въ чемъ, а именно во владѣніи всѣхъ ея членовъ». См. его «Курсъ гражданскаго права», изд. 1896 г., ч. I, стр. 541—542.

[4]) Полное опредѣленіе см. у А. С. Изгоева: «Общинное право», страница 129.—Съ своей стороны, я сказалъ бы, что великорусская община, т. е. та форма правового общенія людей, при которой носителемъ права, его *субъектомъ* является каждый изъ членовъ этого общенія, *содержаніе* права in concreto, въ натурѣ, находится въ зависимости отъ *объекта*

пытки порвать съ отжившей, почтенной только своею дряхлостью теоріей, и прислушаться къ голосу жизни, — новой молодой, полной силы и огня, съ одной стороны, и— старой народно-обычной, съ другой.

Эта старая народнообычная жизнь русскаго народа мало изучена; въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ она и совсѣмъ почти неизвѣстна. На ней такъ много чужеродныхъ пластовъ, столько чужеземныхъ наслоеній, нагроможденій неизвѣстнаго происхожденія, что трудно, а порой и невозможно бываетъ отличить гдѣ свое, а гдѣ чужое, что привито извнѣ и что развито изъ себя, что результатъ дѣйствующаго законодательства, и что исторически присуще правосознанію народа. Но и за всѣмъ тѣмъ она даетъ все-таки общее указаніе на то направленіе, въ которомъ лежатъ жизненныя, а не абстрактно-догматическія нужды народа, а не замкнутой въ себѣ касты «романистовъ», «германистовъ», «цивилистовъ», «публицистовъ», «органологовъ», и прочихъ сектантовъ и жрецовъ науки.

И эта народная жизнь, поскольку она намъ извѣстна, свидѣтельствуетъ объ одномъ: если въ «доброе» старое время вся «сфера власти и свободы» коллективности сосредоточивалась въ рукахъ отдѣльныхъ представителей, то новое время, теперешняя жизнь, характризуется наростаніемъ и развитіемъ личныхъ правъ и притязаній всѣхъ участниковъ коллектива за счетъ сокращенія «власти и свободы» его представителей.

Уравнительно-передѣльный механизмъ русской общины общеизвѣстенъ. Значеніе же, которое имѣетъ общинное право для роста индивидуальныхъ правъ общинниковъ, станетъ само собой яснымъ, если мы представимъ себѣ тотъ путь, который проходило это право въ своемъ **развитіи**, когда оно отъ признанія права на землю только за мужскими, ревизскими душами, черезъ признаніе его за всѣми несущими рабочее тягло, приходитъ къ признанію права на землю за всѣми наличными «ѣдоками» въ общинѣ, т. е. къ всеобщему «поравненію» въ правахъ, къ разверстанію «сферы власти и свободы» общины, какъ цѣлаго, по рукамъ ея сочленовъ.

права (земля пахотная, луговая, выгонъ и т. д.) и основанія разверстки, *типа* общины,—носитъ, и по обычаю, и по закону, и согласно сенатскимъ разъясненіямъ двойственный «частно-публичный» характеръ съ преобладаніемъ публичнаго момента въ народномъ правосознаніи, и частнаго—въ законѣ и сенатскихъ рѣшеніяхъ.

«Соединенные индивиды совокупно призываются къ активному участiю въ общей для всѣхъ нихъ сферѣ»—слѣдовало бы охарактеризовать словами Гирке возникшее правоотношенiе: «единство лица обнаруживается во множественности его участниковъ»; «надъ властью главы стоитъ власть совокупной воли всѣхъ участниковъ».

Не приводя подробнѣе всѣхъ отдѣльныхъ, порой весьма любопытныхъ проявленiй современнаго общиннаго права и отсылая интересующихся къ книгамъ К. Качоровскаго [1]),—мы должны закончить свой краткiй историко-догматическiй экскурсъ въ область русской дѣйствительности—краткимъ резюме: русская жизнь тоже знаетъ виды «лично-правового общенiя»; не чужды они и народному правосознанiю; и если русское право «дѣйствующаго законодательства» ихъ не признаетъ,—то это еще не достаточное основанiе, чтобы отрицать самый фактъ ихъ существованiя.

Если народное право, много вѣковъ находившееся въ тискахъ мглы и произвола, не утратило еще окончательно подобiя и образа человѣческаго и чутья справедливости, если народное правосознанiе рѣшаетъ дѣла «соображаясь съ человѣкомъ и пользою общества» [2]), то какимъ будетъ это право, когда на мѣсто бюрократическаго вмѣшательства прочно станетъ подлинная народная воля? Въ какомъ видѣ предстанетъ народное право,

---

[1]) К. Качоровскiй: «Русская Община». Изд. 2-ое, «Новаго Товарищества» и «Народное Право». Изд. «Молодой Россiи»; особенно главы VII и IX послѣдней книги.—Юридическая формулировка общинныхъ отношенiй въ народномъ самосознанiи получила, напримѣръ, нижеслѣдующее выраженiе, неправильное стилистически, но вполнѣ отчетливое и справедливое по существу: «Подъ именемъ общества,—пишетъ волостной старшина Золотовской волости, Камышинскаго уѣзда, Саратовской губ., В. И. Гусевъ,—разумѣеются всѣ живые люди, существующiе въ каждый данный моментъ; отдѣльные же его члены перемѣняются, родятся и умираютъ: слѣдовательно, земля отведена обществу, или той юридической единицѣ, никогда не умирающей, а вѣчно живущей; поэтому и люди, когда бы они не появлялись на свѣтъ, имѣютъ право на землю».—(Изъ неопубликованныхъ матерiаловъ К. Р. Качоровскаго.)

[2]) См. это выраженiе въ отзывахъ крестьянъ Никольской волости, Козловскаго уѣзда, Тамбовской губернiи—«Труды комиссiи по преобразованiю волостныхъ судовъ». Томъ I, стр. 384.

если его пропитать не оффиціальнымъ усмотрѣніемъ дѣйствующихъ законодателей, а духомъ соціалистическаго сознанія?— Это вопросъ будущаго. Но чтобы приблизить это будущее, сдѣлать его практически возможнымъ и реальнымъ, необходимо очередной задачей настоящаго сдѣлать выработку цѣлостной соціалистической политики права, при посредствѣ которой старое обычно-народное право освѣтилось бы соціалистическимъ сіяніемъ и возродилось бы къ новой жизни, полной силы и творческаго огня.

Возвращаясь къ этой задачѣ, мы должны отвѣтить на вопросъ, поставленный выше: кто можетъ быть признанъ носителемъ правъ и обязанностей, такъ называемымъ, субъектомъ правъ?

Предыдущее изложеніе намѣтило уже тотъ отвѣтъ, который мы должны дать, оставаясь въ согласіи съ соціализмомъ и не извращая въ то же время самой природы права.

Съ какой бы коллективностью или видомъ коллективности мы ни имѣли бы дѣла,—субъектомъ права одинаково является отдѣльная личность или совокупность равноцѣнныхъ ей личностей. Не фиктивное лицо и не соціальный организмъ со своей самостоятельной волей и своей особой сферой свободы или власти стоитъ во главѣ всѣхъ юридическихъ лицъ, а тѣ же лица, одинаково реальныя или одинаково не реальныя въ зависимости отъ того, разсматриваются ли онѣ съ естественной точки зрѣнія, какъ физическіе люди, или съ юридической точки зрѣнія, какъ правоспособныя и правообязанныя личности.—Эти лица въ самоограниченіи и въ самообязываніи полагаютъ предѣлы своей личной свободѣ и власти такъ же, какъ и свободѣ и власти окружающей ихъ среды, будь то семья, община или другое «сообщество»—безразлично.

Коллективъ только изъ нея, для нея и отъ имени нея получаетъ свою силу, власть и свободу. Внѣ личности или помимо нея нѣтъ ничего, что бы вѣдало право. Отсюда: коллективъ, сообщество, союзъ, всякій видъ человѣческаго общенія можетъ быть субъектомъ правъ, но можетъ имъ быть или, вѣрнѣе, можетъ имъ стать лишь какъ совокупность личностей, лишь черезъ посредство ея. Субстратомъ союза являются физическія лица, его составляющія: воля союза опредѣляется волей его сочленовъ.

Среда, въ которой выражаетъ свою волю личность, въ которой она борется за **свои** права,—есть общество, есть совокупность другихъ личностей, соединенныхъ между собой въ той или другой формѣ, на томъ или другомъ основаніи. Въ борьбѣ отдѣльной личности за свои права обрѣтаютъ свои права и **другія** личности. Когда личность подчинена цѣликомъ какой-либо силѣ,—то тутъ нѣтъ мѣста праву ни для нея, ни для властвующаго надъ нею существа, будь то фетишъ, небожитель, сверхъчеловѣкъ или человѣкъ-звѣрь. Есть природа, стихія, голый фактъ, насиліе и произволъ,—но нѣтъ права и справедливости. Въ борьбѣ за право личность добивается прежде всего отрицательной свободы, свободы отъ исключительнаго произвола, она достигаетъ извѣстной **независимости** отъ всесторонняго подчиненія силѣ. Въ дальнѣйшемъ отрицательное требованіе независимости, невмѣшательства, переходитъ въ положительное **притязаніе,** претензію на услуги со стороны властвующаго. Наконецъ, высшаго торжества эта борьба личности за право достигаетъ въ моментѣ совпаденія власти съ личностью, въ фактѣ **участія** ея во власти, когда личность сама себя ограничиваетъ и обязываетъ и полагаетъ правовую основу для власти равноцѣнныхъ ей личностей. Власть изъ голой силы становится справедливымъ правомъ [1]).

Въ окружающей дѣйствительности въ каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ, въ каждый отдѣльный моментъ времени идетъ безпрестанная, глухая и порою незамѣтная, борьба личности за свои права, и въ каждомъ отдѣльномъ видѣ человѣческаго общенія, будь то кровный, территоріальный, профессіональный, религіозный или какой-нибудь иной видъ общенія,—мы можемъ прослѣдить различныя проявленія и фазисы этой борьбы, начиная съ безусловной подчиненности личности и кончая борьбой ея за полное торжество своихъ правъ.

Возьмемъ къ примѣру «союзное общеніе» великорусской крестьянской семьи.

---

[1]) Ср. у Іеллинека: «Право современнаго государства» стр. 251. «Господствующая власть дѣлается властью правовой вслѣдствіе того, что она ограничена. Право есть юридически ограниченная сила». И далѣе: «Благодаря самоограниченію она пріобрѣтаетъ характеръ правовой», стр. 147.

Дѣти подчинены родителямъ: за неповиновеніе родителямъ народный судъ подвергаетъ провинившихся наказанію [1]). Родители считаютъ себя вправѣ принуждать своихъ дѣтей къ заключенію брака [2]). Женщины въ семьѣ занимаютъ подчиненное положеніе. И т. д. Въ борьбѣ съ «отцами» дѣти завоевываютъ независимость, добиваются правъ: браки заключаются свободно, независимо отъ принужденія или согласія родителей: [3]) дѣти пріобрѣтаютъ индивидуальныя права на потребляемыя и пользуемыя вещи изъ общаго семейнаго имущества (рекрутская квитанція, носильное платье и т. п.) [4]). Права членовъ семьи не ограничиваются этимъ: у нихъ возникаетъ притязаніе на пользованіе общесемейнымъ достояніемъ, какъ результатомъ коллективнаго труда: притязаніе это подкрѣпляется искомъ въ случаѣ нарушенія главой семьи правъ ея сочленовъ [5]). Борьба за право переходитъ въ борьбу за власть и достигаетъ, наконецъ, своего торжества въ соучастіи и разверсткѣ власти: всѣ члены семьи принимаютъ равное участіе въ рѣшеніи наиболѣе важныхъ вопросовъ крестьянскаго быта.

Тѣ же начала мы встрѣтимъ и въ общинѣ, и въ товариществѣ, и въ церкви, и въ международномъ общеніи и, нагляднѣе всего, въ наиболѣе сложномъ видѣ человѣческаго общенія—въ государствѣ. Заранѣе, конечно, ясно и несомнѣнно, что всѣ эти начала, взаимная борьба между ними, характеръ борьбы личности за свои права, количество одержанныхъ ею побѣдъ,—степень и форма ея свободы, ея домогательствъ, притязаній и ея участія во власти различаются въ зависимости отъ условій мѣста

---

[1]) С. В. Пахманъ: «Русское гражданское обычное право», т. II.

[2]) Тамъ же, стр. 43.

[3]) См. ст. А. Петрищева: «Бытовая революція». «Русск. Бог.», № 8, за 1906 г.

[4]) См. С. П. Никоновъ и Е. И. Якушкинъ: «Гражданское право по рѣшеніямъ крестобогородскаго волостного суда Ярославск. губ. и уѣзда», 1902 г., стр. 165—166: «Въ общемъ можно сказать, что обыкновенно сохраняется частная собственность на потребляемыя и пользуемыя вещи и общая—на плодоприносящія».—Любопытное совпаденіе съ терминологіей А. Менгера «Новое ученіе о государствѣ», главы 3 и 4 книги II: различеніе права собственности по отношенію къ вещамъ потребляемымъ (verbrauchbare) пользуемымъ (benutzbare) и плодоносящимъ (fruchttragende Sachen).

[5]) См. Н. Астыревъ. «Въ волостныхъ писаряхъ». — Мы приводимъ эти единичныя и случайныя ссылки, конечно, только для иллюстраціи

и времени, въ которыхъ эта борьба протекаетъ. Историческое прошлое народа, его культура, опредѣляютъ его настоящее положеніе, ту среду, въ которой протекаетъ борьба личности за свое право,—обусловливая тѣмъ самымъ ея побѣду или пораженіе въ этой борьбѣ. Въ особо острые историческіе моменты, «дѣлающіе эпохи» или во всякомъ случаѣ опредѣляющіе ихъ собой, эта борьба личности за свое право ведется по всей линіи, во всѣхъ формахъ человѣческаго общенія,—порою перекидываясь съ одной стороны на другую, изъ одной страны въ другую и втягивая въ борьбу народы, стоявшіе прежде вдали отъ борьбы.

Всякая революція есть прежде всего **бытовая** революція. Революція можетъ быть религіозной, политической, можетъ вести къ національному, экономическому освобожденію, можетъ быть мѣстной, интернаціональной, но не можетъ не быть бытовой. Всякая борьба личности за національныя, политическія, религіозныя и экономическія права не можетъ не быть борьбой за измѣненіе своего быта и не можетъ въ то же время не измѣнить этого быта уже въ самомъ процессѣ борьбы.

Современное человѣчество организовано въ государства. Государство, какъ одна изъ необходимѣйшихъ формъ психиче-

---

своей мысли. Исчерпывающихъ фактическихъ доказательствъ, а не «иллюстрацій» привести и невозможно по той простой причинѣ, что соотвѣтствующія изслѣдованія неполны, относятся всѣ къ болѣе или менѣе отдаленному прошлому и не даютъ достаточныхъ основаній къ окончательному и опредѣленному сужденію. Мы намѣренно беремъ иллюстраціи изъ области народнаго права на томъ основаніи, что право, по которому живутъ громадныя массы народа, представляетъ, на нашъ взглядъ, большее значеніе для будущихъ судебъ народа, чѣмъ право привиллегированныхъ его верховъ, его «командующихъ классовъ»; вопроса о прогрессивности народнаго права сравнительно съ пропитаннымъ римскими традиціями оффиціальнымъ правомъ — мы при этомъ не касаемся. Мы полагаемъ, что если теперь никто «изъ народа» не можетъ отговариваться незнаніемъ «оффиціальныхъ» законовъ привиллегированнаго меньшинства, то въ будущемъ—никто изъ привиллегированнаго меньшинства не будетъ имѣть возможности отговариваться незнаніемъ народнаго права, прежде всего потому, что народное право станетъ на мѣсто «оффиціальнаго» права, а во-вторыхъ, потому что большинство станетъ на мѣсто меньшинства, лишеннаго своихъ былыхъ привиллегій.—Ср. А. Менгера: «Гражданское право и неимущіе классы». Изд. под. ред. О. Бужанскаго, стр. 22—23.

скаго общенія людей,—обусловливая всѣ другія формы человѣческаго общенія, является въ то же время само ихъ продуктомъ. Субъектомъ этого общенія является народъ. Всѣ формы борьбы личности протекаютъ въ рамкахъ государства. Борьба личности за право на невмѣшательство, за право притязаній, за право участія во власти выражается въ борьбѣ за независимость **отъ** государства, въ притязаніи **къ** государству, въ участіи **въ** государственной власти. Среда, въ которой борется личность за свои права, суть всѣ личности, организованныя въ цѣломъ, какъ государство, и мыслимыя, какъ единство, какъ народъ [1]). Право личности становится, такимъ образомъ, правомъ народа. Самостоятельность и независимость личности становится самостоятельностью и независимостью народа. Притязаніе личности—притязаніемъ народа. Участіе во власти, самоограниченіе и самообязываніе личности обозначаетъ и обусловливаетъ участіе во власти, самоограниченіе и самообязываніе народа. Всѣ **субъективныя права** становятся **публичными правами,** всѣ **субъективныя обязанности — публичными обязанностями.** Какъ высоко пѣнящаяся волна, ударившись о берегъ, спокойнѣе катится обратно, такъ борьба за свободу отдѣльнаго гражданина, формально безпредѣльная, столкнувшись съ преградой государственнаго общенія, встрѣтивъ на пути своемъ равноцѣнныя права другихъ личностей, такихъ же членовъ общенія,—течетъ уже менѣе бурно къ общей цѣли: торжества права и справедливости, примиренія интересовъ всѣхъ личностей.

Таково государство въ идеѣ, такимъ оно должно стать съ точки зрѣнія нашей политики права.

Нѣтъ нужды здѣсь говорить о томъ, насколько современное государство далеко отъ своего «идеальнаго» прообраза. Но нельзя не сказать именно здѣсь о томъ, какую роль для судебъ народа играютъ тѣ теоріи, которыя исходятъ отъ признанія

---

[1]) Еллинекъ: «Право современнаго государства», стр. 265. «Если исходить изъ понятія государства, какъ союза, то значеніе народа, какъ субъекта, вытекаетъ—чуть ли не тавтологически—изъ такой же конструкціи государства».—Тамъ же, стр. 266. «Члены государства, народъ, какъ субъектъ, составляетъ совокупность участниковъ государства, т. е. тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ правовыя притязанія по отношенію къ государственной власти. Субъективное публичное право служитъ основою государства, какъ общества».

принципіальной противоположности между частными интересами—и общегосударственными, между «сферой свободы» индивида и «сферой власти» государства.

Противополагая сферу гражданскаго права публичному праву и признавая въ индивидѣ носителя правъ,—эти теоріи видятъ въ его лицѣ правового субъекта въ области гражданскаго права и лишь пассивнаго субъекта въ области публичнаго права. Подъ давленіемъ традицій рецепированнаго римскаго права современная теорія поставила въ центрѣ всего публичнаго права государство, какъ единственное въ своемъ родѣ существо, не нуждающееся въ подведеніи подъ высшее понятіе [1]). Отождествляя публичное право съ государственнымъ, само государство съ правительственной властью и противопоставляя послѣдней личность,—эти теоріи полагаютъ источникъ права, власти и свободы личности въ признаніи ихъ со стороны государственной или даже правительственной власти. Отсюда—личность «надѣляется» всѣми субъективными правами въ силу нормъ объективнаго права, а не обладаетъ ими изначально, отсюда же—неравенство правъ и обязанностей, «надѣленіе» привиллегіями меньшинства и «обладаніе» privillegia odiosa, такъ называемыми, ненавистными, или отрицательными привиллегіями — большинства.

Логическая несостоятельность отождествленія государства съ правительствомъ и противопоставленія имъ личности, какъ самостоятельной, чужеродной величины,—самоочевидна. Самоочевидно также сколь чуждо оно всему нашему воззрѣнію и въ сколь непримиримомъ противорѣчіи стоитъ оно съ нашей политикой права.

Всѣ теоріи, которыя противополагаютъ личность обществу, индивида—государству и отождествляютъ публичное право съ государственнымъ, а государственную власть съ правительственной, допускаютъ ту ошибку, что аппелируя къ дѣйствительности, къ факту, они изъ факта дѣйствительности дѣлаютъ логическій выводъ, «то, что есть, то, значитъ, и должно быть»,—таковъ смыслъ этихъ теорій. Quaestio facti (вопросъ о фактѣ) смѣшивается, при этомъ, съ quaestio juris (съ вопросомъ о томъ, на какомъ основаніи произошелъ этотъ фактъ), сущее—съ должнымъ.

[1]) См. H. Preuss: «Gemeinde, Staat, Reich als Gebietskörperschaften». 1889.—S. 100—136.

Если представители этой теоріи въ наукѣ признаютъ князя за государство [1]), то послѣдователи этой теоріи въ жизни противокняжескій или, общѣе,—противоправительственный актъ признаютъ за противогосударственное преступленіе. Если современное государство, представляющее тайное или явное насиліе немногочисленнаго меньшинства властныхъ и богатыхъ надъ громаднымъ большинствомъ подвластныхъ и неимущихъ,—существуетъ, какъ печальный, но несомнѣнный фактъ дѣйствительности, то этотъ фактъ современной юридической наукой возводится въ принципъ и провозглашается непререкаемымъ догматомъ на будущее время: такъ есть — такъ будетъ. Если правительства громаднаго большинства странъ,—являясь въ настоящее время представителями организованнаго и господствующаго меньшинства, ведутъ противонародную политику и насилуютъ права личности **фактически,**—то привиллегированные публицисты и среди нихъ, въ первую очередь—легисты Вильгельма II спѣшатъ **логически** обосновать это насиліе: они оправдываютъ и возводятъ въ юридическій принципъ право правительствъ, «дѣйствующихъ законодательствъ» (Гирке) признавать или не признавать отдѣльныя права за личностью, за народомъ.

Соціалистическая и демократическая политика права должна отвергнуть принципіальную противоположность сферы гражданскаго и публичнаго права. Она отрицаетъ ограниченность и изолированность «сферы власти и свободы» отдѣльной личности. Она отрицаетъ самостоятельность цѣлей и интересовъ отдѣльныхъ формъ человѣческаго общенія. Она утверждаетъ **солидарность** интересовъ всѣхъ личностей и **равноцѣнность** многихъ формъ человѣческаго общенія. Она примиряетъ эти интересы во взаимномъ самоограниченіи и самообязываніи. Она полагаетъ источникъ права, власти и свободы во внутреннихъ свойствахъ личности. Право личности она признаетъ первичнымъ, изначальнымъ; «права» правительствъ и прочихъ органовъ — производными отъ нея, вторичными. Неотъемлемыя, основныя права личности, осознаніе ихъ въ теоріи и осуществленіе ихъ на практикѣ,—являются, на нашъ взглядъ, рычагомъ, приводящимъ въ движеніе всю сферу права и опредѣляющимъ собою весь ходъ его развитія въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Наличность этого движущаго рычага въ правѣ можно прослѣдить во всѣхъ

[1]) Prof. Bornhak: «Preussisches Staatsrecht».—I. S. 65.

проявленіяхъ права, во всѣхъ видахъ человѣческаго общенія. Порою онъ подымаетъ громадныя массы, порою приводитъ въ движеніе лишь отдѣльныя, часто плохо спаянныя между собою частицы этихъ массъ. Движеніе идетъ порою бурно и стремительно, по временамъ для глаза незамѣтно, медленно и неувѣренно, но все же въ общемъ «масса» движется и все въ одномъ и томъ же направленіи. E pur si muove!..

Въ этомъ движеніи ясное осознаніе дѣйствительныхъ правъ личностей обусловливаетъ самый фактъ достиженія этихъ правъ: «если вообще фактъ порождаетъ право, то въ этихъ случаяхъ представленіе о правѣ порождаетъ фактъ»,—говоритъ по аналогичному поводу Еллинекъ [1]).

Резюмируемъ еще разъ, каково наше «представленіе о правѣ» и какой «фактъ» мы этимъ представленіемъ хотимъ «породить».

Въ **исторіи** права мы исходимъ изъ того представленія, что вся исторія права есть исторія борьбы **личности** съ окружающей ее средой.

Въ **догмѣ** права мы исходимъ изъ того представленія, что все право предполагаетъ **личность** въ качествѣ своего prius'а (пріоритета).

Въ **политикѣ** права мы исходимъ изъ того представленія, что цѣлостное и гармоническое развитіе **личности** есть цѣль права.

Этими «представленіями» мы хотимъ породить тотъ фактъ, который составляетъ все содержаніе соціалистическаго движенія: здать гарантіи для развитія личности, максимально расширить ея права.

Изъ понятія личности черезъ борьбу за осознаніе правъ личности къ гармоническому развитію личности, какъ реальному факту воплощеннаго въ жизни права,—таковъ тернистый путь и сложная задача соціалистической политики права.

---

[1]) «Право современнаго государства», стр. 226.

ГЛАВА IV.

Вся соціальная и политическая борьба новаго времени имѣла своимъ содержаніемъ расширеніе правъ личности.

Еллинекъ.

Право—простой продуктъ революціонныхъ выступленій народа.

Лассаль.

Вся исторія человѣческаго прогресса есть исторія борьбы личности за свои права, есть исторія расширенія и углубленія этихъ правъ.

Отъ каннибализма и истребленія себѣ подобныхъ черезъ рабство и крѣпостничество человѣчество пришло къ современной свободѣ, «свободѣ» частной собственности и «свободной» куплѣ и продажѣ человѣческой рабочей силы.

Во времена каннибализма не было права, была голая сила, фактъ дикаго, безудержнаго произвола. Во времена рабства человѣкъ добился права на дальнѣйшее свое существованіе, на неистребленіе себя безъ «особыхъ» къ тому основаній. Господствующіе классы даруютъ рабу свободу отъ смерти, обрекая на муки его жизнь: рабъ обращается въ вещь и, какъ общее правило, какъ вещь, представляющая цѣнность,—не подлежитъ уничтоженію за исключеніемъ особыхъ случаевъ. Крѣпостное состояніе несетъ съ собою притязаніе крѣпостного на кровъ и защиту со стороны крѣпостника. Не во имя торжества правъ личности и не во имя отвлеченнаго принципа справедливости признаютъ правящіе классы это новое право за личностью, а во имя простого разсчета: имѣть жизнедѣятельную и жизнеспособ-

ную цѣнность взамѣнъ «мертвой вещи». Но для самой личности это «право» становится новымъ орудіемъ въ борьбѣ за новыя права.

Новое время выбросило на торговый рынокъ всѣ цѣнности. Потребности рынка требовали свободы личности для «гражданскаго» оборота. Потребности гражданскаго или торговаго оборота требовали освобожденія личности отъ гнета паспортной системы, цеховыхъ ограниченій, цензуры и проч. Личность, продолжая свою исконную борьбу за свои права, за свою свободу, успѣла при такихъ условіяхъ добиться свободы слова, печати, собраній, передвиженія, промысловъ, эмиграціи и всѣхъ прочихъ, такъ называемыхъ, гражданскихъ свободъ.

Личность добилась новыхъ правъ и, какъ всегда, въ борьбѣ. Какъ рабъ и крѣпостной, современный гражданинъ купилъ себѣ свободу. Купилъ на «рынкѣ» цѣною крови своей и вражеской, цѣною золота, платимаго имъ господствующимъ классамъ, когда послѣдніе предпочитали освобожденіе сверху самоосвобожденію снизу и, предваряя революцію своевременной реформой, совершали новую великую аферу: изъ торжества правъ личности извлекали для себя новые великіе источники доходовъ.

И стихійныя возстанія рабовъ, и полустихійные бунты, и войны крестьянъ, и сознательныя революціи новаго времени,— всѣ движенія имѣли одинаково своимъ содержаніемъ борьбу личности за свои права. Смѣнялись культуры, мѣнялось правосознаніе, измѣнялись знамена и лозунги, но не могло перемѣниться основное свойство человѣка бороться за свое существованіе, стремиться къ лучшему, достойному человѣка существованію. Какъ говоритъ проф. Шершеневичъ,—«борьба при всѣхъ ея ужасахъ, есть образующій творческій факторъ, и эта роль останется за ней, пока все человѣчество не составитъ единой организаціи».

Языческій дерзкій крикъ: «хлѣба и зрѣлищъ»; христіанскіе кроткіе догматы объ искупленіи кровью Христа людскихъ грѣховъ и уготовленіи царства небеснаго для лишенныхъ всякихъ правъ на землѣ; абстрактные символы равенства, братства, свободы; и, наконецъ, реальныя требованія: «8 часовъ труда, 8—для сна, 8—свободныхъ», «вся земля трудовому народу» и т. д.,—суть лишь различныя формы, въ которыхъ проявляется и въ которыя выливается все та же неискоренимая потребность человѣческой природы, потребность **борьбы за лучшее существованіе.** Повсюду и всегда стремленіе человѣка перестроить

свою жизнь не останавливалось на добытыхъ уже успѣхахъ, а, наоборотъ, чѣмъ больше были успѣхи, тѣмъ сильнѣе человѣкъ сознавалъ свои права и стремился къ новой борьбѣ и новымъ завоеваніямъ. Пройденная ступень историческаго прогресса становилась основаніемъ къ дальнѣйшему подъему освобожденной личности.

Древній миѳъ о Сатурнѣ, пожиравшемъ своихъ собственныхъ дѣтей, въ приложеніи къ исторіи человѣческаго прогресса имѣетъ тотъ смыслъ, что всякій дѣйствующій правопорядокъ, какъ продуктъ человѣческаго общежитія, можетъ быть поглощенъ даннымъ же человѣческимъ общежитіемъ. Человѣчество таитъ въ себѣ самомъ силу творческаго воспроизведенія и разрушительнаго уничтоженія всѣхъ дѣйствующихъ правопорядковъ.

Свобода раба отъ смерти или право его на жизнь является необходимымъ условіемъ его дальнѣйшаго существованія и дальнѣйшей борьбы за расширеніе своей свободы и увеличеніе своихъ правъ. Положительное притязаніе крѣпостного на кровъ и защиту со стороны своего феодала—«покровителя» неизбѣжно влечетъ рядъ новыхъ взаимныхъ притязаній и, являясь первымъ звеномъ во вновь образующихся цѣпяхъ буржуазной свободы, становится въ то же время залогомъ паденія крѣпостныхъ цѣпей. Наконецъ, активное въ той или другой степени участіе въ государственной буржуазно-классовой власти характеризуетъ собй достиженіе личностью третьей ступени на пути къ своему освобожденію и раскрѣпощенію.

Иногда медленнымъ шагомъ, робко и неувѣренно, иногда быстро и скачками, иногда задерживаясь и окольнымъ путемъ подымается человѣчество на эти ступени; одна нація раньше, другая позже, одна напрямикъ, другая окольнымъ путемъ, но всѣ въ одинаковомъ направленіи, къ одной и той же цѣли.

Человѣчество не разъ ощущало всю неудовлетворительность своихъ уже завоеванныхъ свободъ; не разъ теряло ихъ; не разъ пробовало оно использовать только что пріобрѣтенныя права для завоеванія новыхъ, ставя подъ угрозу и принося иногда въ жертву реальныя блага настоящаго проблематическимъ благамъ будущаго. Не разъ возникалъ острый конфликтъ между требованіемъ идеала и реальной дѣйствительности; не разъ ощущалось болѣзненное противорѣчіе между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что должно быть; не разъ приходили въ столкновенія повелительныя требованія жизни съ властными препятствіями къ осу-

ществленію этихъ требованій. Но со временъ Великой Французской Революціи передъ человѣческимъ сознаніемъ никогда не становился такъ отчетливо-остро вопросъ о новыхъ формахъ жизни, о творчествѣ новаго права,—какъ теперь. И никогда и нигдѣ съ того времени такъ болѣзненно не ощущался и такъ остро не ставился этотъ вопросъ, какъ въ современной Россіи. Никогда и нигдѣ не было столь глубокихъ и столь разнообразными нитями сплетенныхъ между собою противорѣчій, какъ въ Россіи XX вѣка. Все, что назрѣвало въ другихъ странахъ въ другое время постепенно и по частямъ, и что, постепенно и по частямъ же, получало свое,—сколь ни мало удовлетворительное, но все же разрѣшеніе и выходъ,—все это совпало во времени и въ пространствѣ въ Россіи начала XX вѣка. Всѣ конфликты и кризисы между «сознаніемъ» и «бытіемъ» личности, между «производительными силами» страны и «идеологіей народа», между государственными потребностями и народнымъ благосостояніемъ, между культурнымъ общеевропейскимъ развитіемъ и азіатскимъ деспотизмомъ, между всеобщимъ порабощеніемъ и всеобъемлющей жаждой національнаго самоопредѣленія и освобожденія, между средневѣковымъ суевѣріемъ и раціоналистическимъ безвѣріемъ, между церковной обрядностью и свободной религіозностью, между анархическимъ произволомъ экономически-сильныхъ и юридически-привиллегированныхъ и справедливымъ правомъ класса обездоленныхъ и неимущихъ, безправныхъ и безвластныхъ,—всѣ эти трагическія противорѣчія, образовавшіяся въ мрачныхъ потемкахъ россійской дѣйствительности, освѣтились теперь яркимъ свѣтомъ соціалистическаго сознанія и властныхъ требованій мощнаго соціалистическаго движенія. Такой картины исторія человѣчества поистинѣ еще не видала...

Основнымъ фактомъ, опредѣляющимъ своеобразіе этой картины, является наличность соціалистическаго движенія, съ одной стороны, и отсутствіе революцій въ прошломъ Россіи, съ другой. Этотъ фактъ опредѣляетъ объемъ и характеръ разрѣшенія назрѣвшихъ кризисовъ, количественность и качественность русской революціи. «Малая» или «великая», «буржуазная» или «трудовая», «политическая» или «соціальная»,—всѣ эти оцѣнки зависятъ отъ того, что подразумѣвать подъ этими терминами, насколько законно такое противопоставленіе, какъ, наконецъ, оцѣнивать «количество» и «качество» революціи. Но самый

фактъ «самобытности», своеобразія русской революціи стоитъ для мірового соціалистическаго сознанія во всякомъ случаѣ внѣ всякихъ сомнѣній.

Для иллюстраціи всеобщаго признанія этого своеобразія приведемъ слова Карла Каутскаго, вѣрующаго еще по старому и въ непогрѣшимость «догмы», и въ неизбѣжность «Zusammenbruch»'а и все-таки вынужденнаго признать: «Мы скорѣе всего окажемся правыми въ сужденіи о русской революціи и тѣхъ задачахъ, которыя она намъ ставитъ, въ томъ случаѣ, если мы не будемъ разсматривать ее не какъ соціалистическую, а какъ совершенно своеобразный процессъ, который протекаетъ на пограничной межѣ между буржуазнымъ и соціалистическимъ обществомъ, требуетъ уничтоженія одного, подготовляетъ образованіе второго и, во всякомъ случаѣ, на значительное разстояніе подвигаетъ впередъ все человѣчество капиталистической цивилизаціи въ ходѣ ея развитія» [1].

Небезинтересно и, быть можетъ, небезполезно будетъ привести отзывы и другихъ видныхъ представителей теоріи и практики западно-европейскаго соціализма относительно характера русской революціи.

Г. Квелчъ изъ Англіи пишетъ: «мы думаемъ здѣсь, что въ Россіи происходитъ революція; мы отмѣчаемъ соціалистическое вліяніе и надѣемся, что это будетъ не только буржуазная революція; но мы сомнѣваемся, чтобы Россія была достаточно развита экономически для полной соціалистической революціи».

Филиппъ Турати въ Италіи: «насколько я вообще могу рѣшиться судить... нельзя думать, что мы присутствуемъ при революціи соціалистической. Однако, такъ какъ рабочій вопросъ возникъ уже и въ Россіи, то очень возможно, что буржуазная революція будетъ хоть сколько-нибудь проникнута соціализмомъ. Точное опредѣленіе дозы соціализма въ буржуазной смѣси—это задача, совершенно выходящая за предѣлы моей освѣдомленности».

Энрико Ферри: «кажется, что историческій опытъ и болѣе достовѣрныя заключенія соціальной науки показываютъ, что по

---

[1]) См. заключительныя слова статьи K. Kautsky: «Triebkräfte und Aussichten der russischen Revolution». Die Neue Zeit.—Ausgegeben am 8 December 1906, № 10. S. 333.

общему характеру русская революція есть революція буржуазная съ ясно выраженнымъ вліяніемъ соціалистическихъ тенденцій».

Эд. Вайянъ былъ увѣренъ, что «политическія и экономическія условія, уже предоставляющія первую роль рабочимъ, пролетаріату, соціализму—придадутъ этому движенію, въ ходѣ его развитія, все болѣе характеръ соціальной революціи».

Э. Вандервельдъ: «совершается революція, которая, будучи послѣдней въ хронологическомъ порядкѣ, будетъ въ большей степени, чѣмъ прочія, отмѣчена знакомъ соціалистическаго пролетаріата».

И, наконецъ, женевскій профессоръ Эдгаръ Мийо отказывается назвать русскую революцію буржуазной революціей «прежде всего потому, что она—работа рабочихъ и крестьянъ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ буржуазныхъ элементовъ; затѣмъ потому, что она добивается одновременно съ политической свободой также и соціальныхъ реформъ въ интересахъ рабочихъ массъ города и деревни (мѣры покровительства труду, рабочее страхованіе, экспропріація помѣщиковъ въ пользу крестьянъ); потому что она, повидимому, откроетъ собой не эру буржуазнаго господства, а періодъ соціальныхъ схватокъ, имѣющихъ вскорѣ завершиться освобожденіемъ пролетаріевъ; потому что ея торжество, косвеннымъ образомъ нарушивъ теперешнее равновѣсіе силъ Европы, проложитъ путь къ водворенію во всей Европѣ соціализма... Я вижу въ русской революціи революцію **политическую съ соціалистическими тенденціями**»,—заключаетъ онъ [1]).

И если наличность конфликта между идеаломъ и дѣйствительностью, между «сознаніемъ» и «бытіемъ», если наличность противорѣчій сословныхъ, классовыхъ, національныхъ, духов-

---

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.—Всѣ цитаты взяты изъ статьи: «Мнѣнія западно-европейскихъ соціалистовъ о современномъ общественномъ движеніи въ Россіи», напечатанной въ журн. «Современная Жизнь». Москва, ноябрь 1906 г.—Данныя «анкеты» относятся къ періоду 13—28 октября 1906 г. (по нов. стилю) и, слѣдовательно, относятся къ *первой* русской революціи или, если считать революцію 1917 г. лишь продолженіемъ революціи 1905—1906 г.г., то къ первой *фазѣ* великой русской революціи.—Эта оцѣнка западно-европейскихъ авторитетовъ соціалистической теоріи и практики, характерная для 1906 г., въ свѣтѣ переживаемыхъ Россіей нынѣ событій становится особенно любопытной.

ныхъ и прочихъ интересовъ, если, наконецъ, столкновеніе «требованій» съ «препятствіями» къ осуществленію этихъ требованій были и остаются всегда и повсюду, если они при учетѣ силъ, дѣйствующихъ во всякомъ общественномъ движеніи и во всякой революціи, могутъ быть приняты за величину **постоянную,**—то участіе въ данномъ движеніи наиболѣе значительныхъ—и качественно и количественно—слоевъ населенія подъ воздѣйствіемъ и при содѣйствіи соціалистической «идеологіи» и отсутствіе у націи революцій въ прошломъ являются тѣми **перемѣнными** величинами, которыя характерны именно для Россіи XX вѣка и отличаютъ нашу революцію отъ всѣхъ другихъ революцій прошлаго времени.

Математическое представленіе о такъ называемыхъ «предѣльныхъ функціяхъ», пожалуй, точнѣе всего сможетъ пояснить, какое значеніе мы придаемъ этимъ опредѣляющимъ самый характеръ и объемъ русской революціи «величинамъ».

Какъ извѣстно, подъ функціей въ математикѣ разумѣется такая величина, которая находится въ зависимости отъ другой, называемой аргументомъ. Функція называется непрерывной, если при безконечно-маломъ измѣненіи своего аргумента, она измѣняется также на величину безконечно-малую. И функція называется прерывной, если для нѣкотораго значенія своего аргумента при безконечно-маломъ его измѣненіи, она измѣнится на величину конечную или безконечно-большую. При этомъ функція можетъ быть непрерывной между какими-нибудь предѣлами значенія своего аргумента и стать прерывной за этими предѣлами.

Въ примѣненіи къ области соціальныхъ наукъ можно сказать: всякое общественное явленіе есть величина, находящаяся въ зависимости отъ совокупности обусловливающихъ ее причинъ, есть «функція своего аргумента». По общему правилу, всякому незначительному измѣненію причины соотвѣтствуетъ такое же измѣненіе въ обусловливаемомъ ею явленіи. Но въ извѣстные моменты, «за опредѣленными предѣлами», это соотношеніе становится, такъ сказать, прерывнымъ: достаточно самаго ничтожнаго измѣненія въ совокупности обусловливающихъ причинъ, чтобы произошло громадное измѣненіе, «безконечно-большой» переворотъ въ обусловленномъ соціальномъ явленіи...

И тотъ фактъ, что Россія XX вѣка не знала революцій въ своемъ прошломъ, и что во главѣ движенія и теоретически, и

практически развивалось социалистическое знамя,—этотъ фактъ, какъ бы ничтоженъ ни показался онъ въ глазахъ иного ревнителя повторяемости и тождественности историческихъ судебъ народовъ, сколь бы «безконечно-мало» ни вѣсилъ онъ въ его глазахъ сравнительно съ другими и—прежде всего—съ «экономическимъ факторомъ», — на нашъ взглядъ, именно онъ является,—на худой конецъ,—тѣмъ «самымъ ничтожнымъ измѣненіемъ» въ совокупности общихъ обусловливающихъ всякую революцію причинъ, которое даетъ основаніе и возможность предполагать, что современная революція въ Россіи будетъ непохожа на другія, что именно ей суждено произвести «безконечно-большой» переворотъ въ правѣ и абсолютно, и относительно, по сравненію съ тѣми переворотами, какіе производились другими революціями въ другихъ странахъ и въ другое время.

Въ этомъ смыслѣ мы и сказали выше, что никогда и нигдѣ вопросъ о новыхъ формахъ жизни, о творчествѣ новаго права, не ставился такъ остро, какъ въ современной россійской дѣйствительности.

Трудно, конечно, предугадать будущее, но поскольку вообще законны и основательны всякія умозаключенія отъ предыдущаго къ послѣдующему, поскольку вообще допустимъ и возможенъ какой бы то ни было прогнозъ и поскольку вообще онъ въ то же время необходимъ для построенія какой бы то ни было программы дѣйствій и программы требованій,—постольку мы имѣемъ право сказать, что переворотъ современнаго права Россіи будетъ тѣмъ сильнѣй и тѣмъ отличнѣй отъ переворотовъ, которымъ подвергалось въ свое время право различныхъ народовъ въ различныхъ странахъ, чѣмъ отличнѣй исторія Россіи отъ исторіи всѣхъ другихъ странъ и современное правосознаніе въ Россіи отъ правосознанія прошлаго времени другихъ націй, и чѣмъ сильнѣй—качественно и количественно—назрѣло, развилось и совпало во времени разрѣшеніе кризисовъ въ Россіи сравнительно съ разрѣшеніемъ кризисовъ, пережитыхъ другими націями въ другихъ странахъ въ другое время. Это, повторяемъ, мы во всякомъ случаѣ имѣемъ право сказать.

Долгъ же соціалиста уже обязываетъ насъ не только сказать это, но и сдѣлать все, отъ насъ зависящее, чтобы это слово претворилось въ реальное дѣло, ибо,—какъ мы писали въ другомъ мѣстѣ, (еще въ заграничномъ изданіи «Революціонная Россія»),—«кто не открываетъ дѣйствительности отъ идеала и идеала

отъ дѣйствительности, для кого идея соціализма является «конститутивной», а не «регулятивной» только, для кого она не звѣзда въ облакахъ, а жизненный маякъ, освѣщающій всѣ помыслы и желанія, всѣ требованія и поступки въ каждодневной жизни... для того важно каждую минуту добиваться максимума того, что при данномъ сочетаніи условій возможно добиться изъ всей программы-максимумъ».

Исходя изъ вышеуказанной точки зрѣнія, для насъ возникаетъ вопросъ, какого «максимума» переворота въ правѣ мы должны добиваться, и чѣмъ будущее новое право Россіи можетъ стать отличнымъ отъ того новаго права, которое являлось въ результатѣ «революціонныхъ выступленій» другихъ народовъ въ другое время?

Предыдущія главы подготовили отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Мы раздѣляемъ тотъ взглядъ, по которому публичныя и политическія права являются такими же субъективными правами, какъ и частныя гражданскія права; но отрицаемъ противопоставленіе «гражданскаго» права «публичному», какъ двухъ самостоятельныхъ отраслей права, покоющихся якобы на принципіально-различныхъ основаніяхъ. Мы отрицаемъ правомѣрность противопоставленія частныхъ интересовъ — общественнымъ или «сферы власти и свободы» индивида—«сферѣ власти и свободы» коллективности, такъ какъ всякую общественность мы разсматриваемъ какъ необходимую и новую форму психическаго общенія отдѣльныхъ личностей, и въ самоограниченіи и самообязываніи личности утверждаемъ солидарность равноцѣнныхъ личностей. Отсюда мы естественно приходимъ къ признанію того, что всякое новое право личности есть ея новое субъективно-публичное право и всякое расширеніе правъ личности заключается въ расширеніи ея, такъ называемыхъ, субъективныхъ публичныхъ правъ.

Если придерживаться классификаціи субъективныхъ публичныхъ правъ, данной Георгомъ Еллинекомъ въ его знаменитой монографіи «System der subjectiven öffentlichen Rechte», — то можно различать три категоріи такихъ правъ: права личности, заключающіяся въ свободѣ ея **отъ** государства, въ притязаніи ея **на** услуги со стороны государства и въ участіи ея **въ** государственной дѣятельности.

Несмотря на то, что въ основѣ классификаціи Еллинека лежитъ противопоставленіе и разграниченіе сферъ дѣятельности

личности и государства, какъ двухъ, чуть ли не самостоятельныхъ, реальностей,—мы можемъ ею все-таки воспользоваться, такъ какъ она несомнѣнно пригодна для служебной роли перечня субъективныхъ публичныхъ правъ [1]).

Такимъ образомъ, въ первую категорію субъективныхъ публичныхъ правъ входятъ всѣ, такъ называемыя, гражданскія свободы, заключающія въ себѣ права личности на невмѣшательство государства въ ея жизнь и дѣятельность. Сюда относятся, такъ называемая, неприкосновенность личности (неприкосновенность ея жилища, переписки), свобода совѣсти (религіозной, научной, политической), слова, печати, собраній, союзовъ, сходокъ, передвиженія, промысловъ и стачекъ.

Вторую категорію субъективныхъ публичныхъ правъ составляютъ права на услуги со стороны государства. Сюда относятся право на существованіе или право на трудъ, право на обезпеченіе въ случаѣ болѣзни, старости и инвалидности (право призрѣнія), право личности на приложеніе своего труда къ той дѣятельности, которая соотвѣтствуетъ личнымъ способностямъ и симпатіямъ, право на удовлетвореніе прежде всего элементарныхъ человѣческихъ потребностей и созданіе сносныхъ условій жизни.

Наконецъ, въ третью категорію входятъ, такъ называемыя, политическія права въ тѣсномъ смыслѣ: избирательное право (выбирать и быть избраннымъ), право непосредственнаго участія въ законодательствѣ (референдумъ, иниціатива, петиціи), въ судѣ и управленіи путемъ занятія, между прочимъ, различныхъ должностей и выполненія извѣстныхъ функцій (въ судѣ, напримѣръ, право выбирать судей, быть выбраннымъ въ судьи, исполнять функціи присяжнаго засѣдателя, свидѣтеля, защитника, обвинителя-истца).

Чтобы дополнить этотъ перечень субъективныхъ публичныхъ правъ намѣренно опущенными или случайно пропущен-

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что у Еллинека, какъ въ этой монографіи, такъ и въ другихъ его работахъ, на ряду съ полнымъ глубокаго смысла и интереса изложеніемъ проблемы личности и общества и рядомъ съ глубокимъ и блестящимъ анализомъ истиннаго содержанія этой проблемы, встрѣчаются страницы, которыя только затемняютъ отчетливость его предыдущаго изложенія, и гдѣ Еллинекъ впадаетъ въ непростительное для него противорѣчіе съ самимъ собою.

ными въ системѣ Еллинека, благодаря неточности признака, лежащаго на основаніи классификаціи,—мы должны въ первую категорію субъективныхъ публичныхъ правъ включить: право на вооруженіе и на самозащиту и право на внѣшнюю и внутреннюю безопасность (уничтоженіе постоянныхъ армій: организація милиціи, народнаго ополченія); во вторую—право на пользованіе извѣстными культурными благами (общественное образованіе, дешевый судъ на родномъ языкѣ, пользованіе просвѣтительными учрежденіями, путями сообщенія, медицинской помощью, санитарно-гигіеническими мѣрами, жилищемъ, потребленіемъ, освѣщеніемъ, водоснабженіемъ, дезинфекціей, продовольственной, агрономической помощью и т. п.); и, наконецъ, въ третью: такъ называемое право на самоуправленіе (національное, профессіональное и территоріальное, pouvoir municipal или provincial et communal), право выбирать, смѣнять, предавать суду всѣхъ должностныхъ лицъ (въ томъ числѣ, депутатовъ, начальниковъ народнаго ополченія и проч.).

Включая указанныя права, мы при нашемъ перечнѣ въ то же время намѣренно опускаемъ тѣ субъективныя публичныя права, которыя хоть и приведены въ системѣ Еллинека, но либо стоятъ въ коренномъ противорѣчіи съ основнымъ принципомъ нашей политики права—принципомъ равенства правъ и обязанностей (напр., право наслѣдственнаго монарха, назначенныхъ членовъ парламента и т. п.), либо касаются отдѣльныхъ личностей или категорій личностей, которыя занимаютъ особое положеніе въ силу природныхъ причинъ (напр., дѣти).

Борьба за осуществленіе перечисленныхъ субъективныхъ публичныхъ правъ въ различной ихъ комбинаціи является содержаніемъ всѣхъ революцій, всего историческаго прогресса. Фактическаго осуществленія всѣхъ этихъ правъ полностью исторія человѣчества не знаетъ ни въ своемъ прошломъ, ни въ своемъ настоящемъ,—оно все еще является задачей будущаго. Но торжественное провозглашеніе многихъ изъ этихъ правъ и частичныя попытки ихъ осуществленія были неоднократно.

Мы не станемъ вдаваться въ изложеніе того, какъ и подъ вліяніемъ чего провозглашались въ разное время въ различныхъ странахъ, такъ называемыя, субъективныя публичныя права: какую роль играли здѣсь религіозныя движенія; реформаціон-

ный періодъ; ученіе англійскихъ «уравнителей»—левеллеровъ и движеніе «независимцевъ» — индепендентовъ; естественно-правовая школа и борьба за независимость англійскихъ колоній въ Америкѣ: почему именно въ Англіи и ея колоніяхъ получило впервые такое практическое значеніе ученіе объ изначальныхъ правахъ личности; какую роль сыграло тутъ слабое вліяніе римскаго права на юридическія воззрѣнія англійскаго народа и какое вообще имѣетъ значеніе фактъ провозглашенія правъ личности **до** созданія учрежденій, гарантирующихъ и необходимыхъ для осуществленія этихъ правъ (какъ это случилось во Франціи въ Учредительномъ Національномъ Собраніи или въ Германіи во Франкфуртскомъ Національномъ Собраніи) или, наоборотъ, фактъ созданія соотвѣтствующихъ учрежденій **до** торжественнаго провозглашенія «деклараціи» правъ (какъ это имѣло мѣсто въ американскихъ колоніяхъ въ Англіи въ 1776 году) для проведенія этой «деклараціи» въ жизнь. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе всѣхъ этихъ, безспорно интересныхъ и чрезвычайно важныхъ, конечно, для полноты и нашего разсмотрѣнія вопросовъ,—мы ограничимся здѣсь лишь общимъ утвержденіемъ. Исторія человѣчества есть исторія расширенія юридическаго признанія свободы личности или, такъ называемыхъ, субъективныхъ публичныхъ ея правъ. Исторія человѣчества есть въ то же время постоянное приближеніе къ фактической реализаціи этой свободы. При этомъ, какъ провозглашеніе расширеннаго каталога правъ личности, такъ и фактическая ихъ реализація выражались прежде всего въ томъ, что права, бывшія раньше отчуждаемыми, признавались неотчуждаемымъ правомъ личности, а безудержное вторженіе и самовольное распоряженіе «сферой власти и свободы», чужой и собственной,—вводились въ опредѣленныя рамки, равноограничивавшія, какъ безграничность власти, такъ и свободу личнаго произвола. Говоря словами Лассаля, — «расширеніе идеи свободы» шло неизбѣжно тѣмъ путемъ, что «мыслимая прежде въ качествѣ отчуждаемой часть человѣческой свободы... должна непрерывно... обращаться въ свободу неотчуждаемую» [1]).

Перечень такихъ «неотчуждаемыхъ» свободъ или правъ и составляетъ содержаніе всякой «Деклараціи правъ». Съ конца

---

[1]) «System der erworbenen Rechte». S. 223.

XVIII вѣка перечень такихъ «неотчуждаемыхъ», «неприкосновенныхъ» или «гарантированныхъ» правъ почти неизмѣнно входитъ во всякую новую конституцію, независимо отъ того, является ли она въ результатѣ побѣдоносной революціи или вынужденнаго дарованія, или октроированія. Уже изъ этого одного ясно, что сама декларація или одно провозглашеніе неотчуждаемости правъ не можетъ служить достаточно прочной гарантіей дѣйствительнаго воплощенія въ жизнь этихъ правъ. Но если справедливо общее утвержденіе, что представленіе о правѣ способно породить въ иныхъ случаяхъ фактъ осуществленія и достиженія права, то было бы неправильно пренебрегать и въ данномъ случаѣ всѣмъ тѣмъ, что служитъ къ проясненію «представленія» о неотчуждаемыхъ правахъ личности и что можетъ тѣмъ самымъ способствовать,—если и не непосредственно породить, — фактическому осуществленію этой «неотчуждаемости» въ жизни.

Въ этомъ смыслѣ соціалистическая политика права не имѣетъ основаній отказываться отъ формальнаго провозглашенія «неотчуждаемыми» тѣхъ правъ или свободъ, завоеваніе и осуществленіе которыхъ является такимъ же реальнымъ содержаніемъ современной революціи въ Россіи, какимъ являлись они и въ прошлыхъ революціяхъ въ другихъ странахъ.

И если въ прошломъ, въ теченіе другихъ революціонныхъ періодовъ личность добивалась,—а частично и добилась—признанія за нею субъективныхъ публичныхъ правъ преимущественно первой и третьей категоріи (слѣдуя классификаціи Еллинека), то задачей настоящаго революціоннаго періода является послѣдовательное осуществленіе этихъ правъ и признаніе и воплощеніе субъективныхъ правъ и второй категоріи. Если въ прошломъ въ каталогъ неотчуждаемыхъ, неприкосновенныхъ, основныхъ или гарантированныхъ правъ включали только, такъ называемыя, гражданскія свободы [1]) и, въ еще болѣе урѣзанномъ видѣ, такъ называемыя, политическія права въ

---

[1]) Такъ, напр., Великая Французская Революція не провозгласила даже, какъ извѣстно, права ассоціацій, или свободы союзовъ; мало того, декретомъ 14 юня 1791 г. Учредительное Собраніе опредѣленно запретило всѣ рабочіе союзы и ассоціаціи.

тѣсномъ смыслѣ слова[1]), то въ современный каталогъ неотчуждаемыхъ правъ человѣка соціалистическое сознаніе внесло **правомъ на достойное человѣка существованіе.**

«Это право, — справедливо говоритъ Антонъ Менгеръ въ своей посмертной «Народной Политикѣ», — является основаніемъ наиболѣе важной изъ всѣхъ тѣхъ формъ, въ которыхъ проявляется соціалистическое міровоззрѣніе, развившееся въ многоразличныхъ, порою сильно отклоняющихся направленіяхъ»[2]). И если всѣ свободы, провозглашаемыя предыдущими революціями, вошли въ каталогъ декларированныхъ правъ, по утвержденію Еллинека,—«какъ **антитеза** предыдущаго строя, какъ отрицаніе существовавшихъ до того ограниченій», то задачей современной революціи является провозглашеніе тѣхъ субъективныхъ публичныхъ правъ, существо которыхъ, — по его же выраженію, состоитъ въ **положительномъ** дѣйствіи личности, «въ способности ея въ своемъ интересѣ привести въ движеніе весь правопорядокъ»[3]), и которыя занимаютъ центральное мѣсто среди другихъ субъективныхъ публичныхъ правъ.

Мало того, задачей современной революціи является установленіе болѣе тѣсной связи и послѣдовательности между абстрактнымъ провозглашеніемъ и конкретной реализаціей всѣхъ вообще субъективныхъ публичныхъ правъ. И потому именно въ настоящее время, когда стало почти юридической аксіомой утвержденіе, что всякій, кто стремится къ праву, къ свободѣ, неизбѣжно долженъ стремиться и къ власти[4]), что субъективное публичное право покоится не на дозволительныхъ (erlaubenden), а исключительно на власть представляющихъ (machtverleihenden) правовыхъ нормахъ[5]), выдвигается необходимость и всякую гражданскую свободу и всякое политическое

---

[1]) Достаточно упомянуть хотя бы о томъ, что во всей Европѣ, несмотря на неоднократное и разнообразное провозглашеніе всеобщности и равенства избирательнаго права, *нигдѣ* (за исключеніемъ Финляндіи) не бывали даже провозглашены парламентскія избирательныя права женщинъ.

[2]) Anton Menger:—«Volkspolitik». 1906. S. 58.

[3]) «System der subjectiven öffentlichen Rechte». S. 48 и 90.

[4]) Ср., напр., А. Менгера «Volkspolitik», S. 22: «народныя массы должны стремиться не только къ свободѣ, но и къ власти».

[5]) См. у G. Iellinek: «System der subjectiven öffentlichen Rechte».— S. 49.

право такъ связать съ субъектомъ этой свободы или права, чтобы за нимъ не только была признана въ такой же формѣ и власть осуществить свое право, въ какой предоставлено и самое право, а чтобы онъ въ дѣйствительности осуществилъ свое право, притязая въ соотвѣтствующей мѣрѣ и на власть, и чтобы онъ, дѣйствительно, обладалъ этой властью для осуществленія своего права.

И если огражденіе сферы свободы личности отъ вмѣшательства чужеродной силы является не только равноцѣннымъ участію личности въ проявленіяхъ этой власти, т. е. гражданскія свободы не только приравниваются по своему значенію къ политическимъ правамъ, но оба вида правъ взаимно обусловливаютъ другъ друга,—то, съ другой стороны, негативныя свободы (свободы **отъ** чего-нибудь) является въ такой же степени **условіемъ** для допущенія личности къ фактическому пользованію положительными правами (правами **на** что-нибудь), въ какой участіе **во** власти въ широкомъ смыслѣ этого слова (т. е., во всѣхъ видахъ и формахъ власти, касающейся политическихъ, экономическихъ, культурныхъ и всѣхъ иныхъ судебъ страны) является **гарантіей** дѣйствительнаго осуществленія самой свободы, свободы автономной личности и самоуправляющагося народа.

Всякая свобода и всякое право въ одинаковой степени предполагаютъ и юридическое признаніе, и фактическую реализацію. Не будучи реализуемо,—право отмираетъ; не будучи признано,—право не существуетъ. Связывая осуществленіе права съ необходимостью юридическаго его признанія и юридическое признаніе съ необходимостью активнаго проявленія достигнутаго права,—борьба за право становится борьбой за власть и въ борьбѣ за власть воплощается борьба за право. Всякая свобода личности можетъ быть установлена только чрезъ признаніе соотвѣтствующаго права личности. Всякое право личности можетъ быть гарантировано только чрезъ достиженіе личностью соотвѣтствующей власти и чрезъ проявленіе ею этой власти, ибо, какъ сказано было уже выше, право безъ власти мертво.

Поэтому, при провозглашеніи какого бы то ни было права необходима наличность такихъ условій, при которыхъ субъектъ права осуществилъ бы свою власть, имѣлъ бы къ тому и объективную возможность, и психологическое побужденіе. Обобществленіе права,—а его и ставитъ себѣ задачею социалисти-

ческая политика права,—предполагаетъ обобществленіе власти, и то, и другое вмѣстѣ—фактическую возможность и дѣйствительное желаніе реализовать какъ свое право, такъ и свою власть.

Подъ такимъ угломъ зрѣнія яснѣе выступаетъ общее значеніе второй категоріи субъективныхъ публичныхъ правъ и права на достойное человѣка существованіе въ особенности; подъ этимъ же угломъ зрѣнія болѣе отчетливой представляется самая возможность реализаціи и **всѣхъ** субъективныхъ публичныхъ правъ вообще.

Великое значеніе права на достойное человѣка существованіе состоитъ въ томъ, что именно это право, будучи провозглашено, какъ неотъемлемое и неотчуждаемое основное право каждой личности, является самымъ сильнымъ стимуломъ и по своей жгучести, и по своей доступности для сознанія громаднаго большинства личностей, для борьбы за народную власть, для удержанія этой власти по ея завоеваніи и для новой борьбы за новыя права.

Именно это право, будучи связано съ соотвѣтствующей властью, не встрѣтитъ препятствій въ фактѣ отсутствія желаній со стороны субъектовъ этого права воспользоваться имъ, реализовать его, привести въ движеніе весь правопорядокъ для удовлетворенія своихъ правъ. Это право слишкомъ могущественно, корни его слишкомъ глубоко заложены въ природѣ человѣка для того, чтобы онъ не воспользовался тѣми плодами, которые оно можетъ принести, и, оставаясь индифферентнымъ, воздержался бы отъ участія во власти, которая регулируетъ это право [1]).

И если обобществленіе власти предполагается обобществленіемъ всякаго права, то именно право на достойное человѣка существованіе скорѣе всего способно фактически реализовать

---

[1]) Того же характера соображеніе заставило въ свое время Н. Г. Чернышевскаго выступить на защиту общины: «При общинномъ владѣніи устройство самой важной части экономическаго быта каждаго частнаго лица прямымъ образомъ связано съ его участіемъ въ дѣлахъ общества; рѣшенія общества зависятъ отъ его участія; онъ можетъ имѣть все то вліяніе на нихъ, которое доступно его способностямъ и силѣ характера; не участвовать въ общественныхъ дѣлахъ со всею возможною для его личности энергіею нельзя ему, потому что съ ними связанъ очень важный личный интересъ».—Полное Собраніе Сочиненій Н. Г. Чернышевскаго. Изд. 1906 года, т. IV, стр. 457.

это обобществленіе власти и гарантировать сохраненіе ея въ обобщественномъ видѣ и на будущее время.

Отсюда, съ точки зрѣнія соціалистической политики права, опредѣляется и значеніе права на достойное человѣка существованіе, равно какъ и всѣхъ другихъ правъ, которыя заключаютъ въ себѣ или тѣснымъ образомъ связаны съ положительнымъ притязаніемъ, съ живымъ интересомъ и активнымъ дѣйствіемъ субъекта даннаго права, проявляющаго «сферу своей власти и свободы» въ реализаціи этого своего права наряду съ неизбѣжной реализаціей одновременно съ тѣмъ и другихъ субъективныхъ публичныхъ правъ.

Будучи **экономически** наиболѣе тѣсно связаннымъ съ интересами широкихъ трудовыхъ массъ, на защиту коихъ и выступаетъ соціалистическая политика права; будучи **психологически** наиболѣе сильнымъ стимуломъ для активныхъ дѣйствій народныхъ массъ; будучи **логически** наиболѣе доступнымъ въ смыслѣ проясненія соціалистическаго правосознанія; будучи **фактически,** какъ препятствіе къ вырожденію и вымиранію, необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго прогресса; будучи, наконецъ, элементарнымъ требованіемъ всечеловѣческой **морали,**—право на достойное человѣка существованіе является **политически** тѣмъ новымъ субъективнымъ публичнымъ правомъ, исходя отъ котораго и приходя къ которому,—современная соціалистическая политика права должна сказать: провозглашеніе этого права есть задача революціи XX вѣка, и русская революція либо побѣдитъ, реализовавъ его, либо вовсе не побѣдитъ.

Tertium non datur! Третьяго исхода нѣтъ.

Но, скажутъ:

«Wer kann was Dummes, wer was Kluges denken
Das nicht die Vorwelt schon gedacht»?.. [1])

И, дѣйствительно, вѣдь еще Людовикъ XVI устами Тюрго въ декретахъ, появившихся 6-го февраля 1776 года, заявлялъ, что «мы обязаны обезпечить всѣмъ нашимъ подданнымъ полное и неограниченное пользованіе ихъ правами; въ особенности обя-

---

[1]) «Кто можетъ глупое, кто умное—придумать.
Чего-бы міръ ужъ до того не зналъ?»

заны мы обезпечить эту охрану тому классу людей, который не обладаетъ никакимъ имуществомъ, кромѣ своего труда и своего прилежанія, и который имѣетъ вслѣдствіе этого тѣмъ больше потребности и права черпать въ полномъ объемѣ изъ этого своего единственнаго источника существованія»... Вѣдь и конституція 1791 года, и знаменитая конституція 1793 года обѣ признаютъ право на существованіе. Первая декретомъ о томъ, что «необходимо учрежденіе всеобщей общественной помощи въ цѣляхъ воспитанія покинутыхъ дѣтей, поддержанія неимущихъ, лишенныхъ возможности работать, и доставленія работы здоровымъ неимущимъ, которые не могутъ найти себѣ работы»; а вторая своимъ заявленіемъ въ введеніи къ конституціи: «Общественная помощь есть священная обязанность. Общество доставляетъ несчастнымъ гражданамъ содержаніе или тѣмъ, что оно даетъ имъ работу, или же тѣмъ, что неспособнымъ къ труду оно обезпечиваетъ средства къ существованію...» Вѣдь и Маратъ, объявлявшій право на существованіе первымъ правомъ человѣка, и Фурье, и Прудонъ, и Бланки, и Барбесъ, и Флоконъ, и Евгеній Сю, и Ледрю Ролленъ, и Эмиль Дешанель, и многіе другіе, великіе и малые вожди и дѣятели крупныхъ переворотовъ, провозглашали это право, даже цѣлое временное правительство 25 февраля 1848 года признало во Франціи право на трудъ, какъ форму права на существованіе... Итакъ, о какомъ же тутъ «новомъ» «субъективномъ публичномъ правѣ» можно говорить? Не старая ли это погудка лишь на новый ладъ?..

Всякій, кто сказалъ бы такъ или въ комъ зародились бы такія сомнѣнія, сказалъ бы тѣмъ самымъ больше, чѣмъ, думается, хотѣлъ бы сказать и, во всякомъ случаѣ, перешелъ бы границы здороваго критицизма, вдался бы въ безплодный внутренно противорѣчивый скепсисъ.

Вся исторія прошлаго и провозглашеніе права на существованіе или права на трудъ въ прошломъ, если хоть сколько-нибудь присмотрѣться къ нимъ во всей совокупности тѣхъ условій, при которыхъ провозглашалось это право, настолько отличны отъ условій современности вообще и россійской дѣйствительности, въ особенности, что о тождествѣ или о болѣе или менѣе близкомъ совпаденіи современной декларація права на достойное человѣка существованіе съ подобной же декларацией въ прошломъ,—говорить много не приходится.

Минуя анализъ всей исторической обстановки, при которой

имѣло мѣсто провозглашеніе этого права въ прошломъ, только для иллюстраціи невыдержанности и непродуманности этого требованія даже со стороны тѣхъ, кто его тогда защищалъ, мы напомнимъ только нѣкоторые, наиболѣе характерные въ этомъ отношеніи факты. Національное Учредительное Собраніе, туманно провозглашая слабое подобіе права на достойное человѣка существованіе, очень недвусмысленно въ то же время выражало свое отношеніе къ праву собственности, включая его въ статьѣ 2-ой своей «Деклараціи» наряду съ «свободой, безопасностью и сопротивленіемъ гнету» въ число «естественныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка», а въ ст. 17-ой, называя его правомъ «ненарушимымъ и священнымъ». Національный Конвентъ, провозглашая общественную помощь своей «священной обязанностью», называетъ гражданъ, осуществляющихъ свое «право» на существованіе,—«несчастными». Характерно и то, что защищавшіе право на существованіе не были не только соціалистами, но даже послѣдовательными республиканцами или демократами, умудряясь въ личной психологіи совмѣщать соціалистическое требованіе права на достойное человѣка существованіе съ шовинистическими предразсудками воинствующаго патріотизма, переходящаго въ имперіализмъ [1]).

Но къ чему говорить объ этихъ фактахъ? Достаточно сказать, что и для соціалистическаго сознанія право на существованіе еще не такъ давно почиталось за право «буржуазное», за стремленіе провозглашеніемъ этого права поставить словесныя препоны свободному шествію всепревозмогающаго капитализма,—самая же реализація этого права квалифицировалась, какъ покушеніе съ негодными средствами на поворотъ въ обратную сторону колеса исторіи. Вѣдь еще не такъ давно даже первоучителями соціализма требованіе уменьшенія рабочаго дня признавалось реакціоннымъ, а минимумъ заработной платы, страхованіе отъ безработицы, право каждаго гражданина на землю и проч. конкретныя формы общаго права на существованіе,—еще и теперь не входятъ въ программы многихъ соціалистическихъ партій въ томъ числѣ, конечно, и въ программу россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи.

---

[1]) Ср. напр., характеристику Барбеса у Жоржа Вейля: «Исторія республиканской партіи во Франціи съ 1814 по 1870 годъ»—Изд. Скирмунта. Стр. 334.

Мы сказали: «еще не такъ давно», т. е. подчеркнули традицію прошлаго. Мы имѣли основаніе такъ выразиться потому, что въ настоящее время право на существованіе, какъ соціалистическое требованіе, признано высшимъ и авторитетнѣйшимъ учрежденіемъ для соціалистовъ всѣхъ странъ, интернаціональнымъ соціалистическимъ конгрессомъ.

Еще въ 1900 году международный соціалистическій конгрессъ въ Парижѣ обязалъ рабочихъ «стремиться достигнуть введенія этой реформы (установленія минимума заработной платы) и выискать къ ея достиженію средства и пути, соотвѣтствующіе какъ экономическимъ и промышленнымъ, такъ и политическимъ и административнымъ условіямъ каждой страны; для этого онъ рекомендуетъ прежде всего дѣйствовать на государственныя и общественныя управленія, которыя въ состояніи ввести минимумъ заработной платы, обязательный также и для предпринимателей, которымъ они сдаютъ общественныя работы» [1]). Еще болѣе опредѣленно и полно высказался амстердамскій конгрессъ 1904 года. Громаднымъ большинствомъ, имѣя противъ себя предложеніе американца Гилквита, за которое голосовали только американцы и французы, принята была резолюція относительно соціальной политики и страхованія рабочихъ, въ которой, между прочимъ, сказано: «... принимая далѣе во вниманіе, что каждый человѣкъ имѣетъ право на существованіе,—а въ интересахъ общества сохранить рабочую силу,—должны быть созданы учрежденія, которыя поставятъ предѣлъ нуждѣ рабочихъ и вызываемой ею потерѣ рабочей силы. Въ капиталистическомъ обществѣ это можетъ быть достигнуто лучше всего путемъ дѣятельнаго законодательства по страхованію рабочихъ. Рабочіе всѣхъ странъ должны поэтому требовать, чтобы были созданы учрежденія, благодаря которымъ возможно сильнѣе уменьшились бы болѣзни, увѣчья и случаи инвалидности; и чтобы силою законовъ объ обязательномъ страхованіи имъ было предоставлено правовое притязаніе на достаточныя средства къ поддержанію жизни и врачебной помощи въ тѣхъ случаяхъ, когда они, благодаря болѣзни, несчастнымъ случаямъ, инвалидности, возрасту, беременности, материнству или

[1]) «Internationaler Socialisten-Kongress zu Paris. 1900».—Berlin. 1900. S. 13—14.

безработицѣ лишены возможности приложить всю рабочую силу» [1]).

Такъ что, если требованіе права на существованіе въ настоящее время, можно сказать, вполнѣ реабилитировано въ глазахъ даже западно-европейскихъ послѣдователей, такъ называемаго, научнаго соціализма, марксизма тожъ, то для насъ, соціалистовъ-рволюціонеровъ Россіи,—центръ тяжести перемѣщается уже въ реализацію этого права, въ разсмотрѣніе тѣхъ конкретныхъ условій и формъ, въ которыхъ практически возможно провести право на достойное человѣка существованіе въ жизнь.

При этомъ разсмотрѣніи прежде всего необходимо не допускать обычной ошибки, которую допускають въ этомъ случаѣ и которую въ другомъ мѣстѣ мы назвали **ошибкой политической перспективы** [2]).

Ошибка эта состоитъ въ томъ, что, оцѣнивая значеніе и смыслъ какого-нибудь требованія или совокупности требованій, разсматриваютъ ихъ изолированно, внѣ связи съ другими требованіями и внѣ зависимости отъ всѣхъ прочихъ условій. Благодаря такой потерѣ «политической перспективы», односторонности или искусственной упрощенности метода разсмотрѣнія, цѣлостная программа представляется въ искривленномъ видѣ, однобокой, а отдѣльное требованіе, будучи выхвачено изъ всѣхъ дру-

---

[1]) Internationaler Socialisten-Kongress zu Amsterdam. 1904». Berlin 1904. S. 15.—Докладчикъ комиссіи, предложившій эту резолюцію, Мольkенбургъ, между прочимъ сказалъ: «Я утверждалъ уже на парижскомъ конгрессѣ, что минимумъ заработной платы можетъ быть выгоднымъ для рабочаго только въ томъ случаѣ, если у него есть работа. Но не въ этомъ только случаѣ, а какъ человѣкъ. имѣетъ онъ право на существованіе» и далѣе: «...Если эти требованія (перечисленныя въ резолюціи) будутъ осуществлены, то мы подвинулись на шагъ ближе къ цѣли обезпечить каждому человѣку право на минимумъ его существованія. *А обезпеченіе существованія каждому человѣку есть идеальная основная мысль, которая направляетъ рабочее движеніе*»... Защитникъ той же резолюціи на конгрессѣ Вурмъ сказалъ: ...«*Право на существованіе согласно нашему соціалистическому воззрѣнію имѣетъ каждый человѣкъ; это требованіе выставляемъ мы въ противоположность капиталистическому обществу*»... См. тамъ же, стр. 15, 16, 17 и 19. (Курсивъ нашъ. М. В.).

[2]) Веніамина Маркова: «Къ вопросу о соціалистическихъ программахъ и крестьянствѣ». Еженедѣльный журналъ «Народный Вѣстникъ» № 7, май 1906 года. Стр. 19.

гихъ, неизбѣжно сопутствующихъ ему,—можетъ показаться либо реакціоннымъ, либо прогрессивнымъ въ зависимости отъ субъективнаго «усмотрѣнія», а не объективнаго значенія этого требованія.

Отсюда вытекаетъ необходимость и требованіе право на достойное человѣка существованіе разсматривать не изолированно, не внѣ тѣхъ или другихъ правъ или свободъ личности, которыя имѣютъ быть провозглашенными одновременно съ этимъ центральнымъ правомъ личности, но именно въ связи, въ общей совокупности съ другими «неотчуждаемыми» правами, безъ которыхъ и данное право не имѣетъ ни значенія, ни даже смысла. Провозглашеніе неотчуждаемаго права собраній при отсутствіи признанія неприкосновенности личности настолько же имѣетъ или, точнѣе, не имѣетъ смысла и значенія, какъ и провозглашеніе права на землю каждаго гражданина при отсутствіи признанія всеобщаго права въ завѣдываніи этой землей. Только въ равномъ участіи всѣхъ личностей и въ равномъ доступѣ каждой отдѣльной личности ко всѣмъ «сферамъ власти и свободы» въ одинаковой мѣрѣ можетъ пріобрѣсти смыслъ и значеніе провозглашеніе какого бы то ни было неотчуждаемаго права личности.

И только при цѣлостномъ разсмотрѣніи той совокупности требованій-программы, которыя выставляются соціалистическимъ движеніемъ вмѣстѣ и одновременно съ требованіемъ права на существованіе,—допустима та или иная критика его. Только при полномъ и послѣдовательномъ переворотѣ могутъ быть созданы гарантіи къ дѣйствительному воплощенію этого права въ жизни одинаково съ тѣмъ, какъ только въ предположеніи возможности и осуществимости этого переворота формулируются и выдвигаются какія бы то ни было требованія вообще и данное въ частности.

Всякая программа строится **оптимистически**, въ надеждѣ на лучшій изъ возможныхъ исходовъ. Руководиться инымъ основаніемъ при построеніи программы—это значило бы либо витать въ облакахъ, предаваясь утопическимъ мечтаніямъ, либо подчиниться неизбѣжному ходу вещей, предаваясь безнадежному фатализму и реакціонному квіетизму.

Утопическій или **этическій** соціализмъ конца XVIII и начала XIX вѣка покоился цѣликомъ на категоріи долженствованія, оторванной и принципіально противопоставленной дѣйствительности. **Раціоналистическій дуализмъ** этическаго соціализма смѣ-

чился **натуралистическимъ монизмомъ экономическаго** или, такъ называемаго, научнаго соціализма, который отождествилъ законы историческаго развитія съ законами природы и цѣликомъ и исключительно обосновался на категоріи необходимости. Н. К. Михайловскій своимъ субъективнымъ методомъ сдѣлалъ попытку сочетать этически-должное съ естественно-необходимымъ, раціонализмъ съ натурализмомъ. Построеніе Михайловскаго опирается на категорію возможности, но методологическая сущность этой «категоріи» не представляла большой цѣнности или интереса для позитивно настроеннаго мышленія русской соціологической школы. Возможность, какъ одна изъ категорій, не была отчетливо ни осознана, ни выражена. Тѣмъ не менѣе, какъ формула прогресса, данная въ свое время Михайловскимъ («**постепенное** приближеніе къ цѣнности недѣлимыхъ, къ **возможно** полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и **возможно** меньшему раздѣленію труда между людьми»), такъ и программное обоснованіе нынѣшнихъ эпигоновъ Михайловскаго, народныхъ соціалистовъ, даетъ полное право говорить о **поссибилистскомъ** соціализмѣ.

Поссибилизмъ множественъ. Идея возможности предполагаетъ и принципіально санкціонируетъ **плюрализмъ** и многообразіе. Въ этомъ относительная правда «возможности» по сравненію съ **монизмомъ** «необходимости» и **дуализмомъ** «долженствованія». Различіе этихъ точекъ зрѣнія можно иллюстрировать конкретными примѣрами. Утописты мечтали силой личной проповѣди и властью денегъ или короны превратить «этотъ сумасшедшій домъ въ разумный міръ», какъ назвалъ одну изъ своихъ статей Оуэнъ. И въ этомъ нѣтъ расхожденія между Сенъ-Симономъ, Фурье, Оуэномъ, Томасомъ Моромъ. Многіе изъ марксистовъ и по сіе время утверждаютъ, что «рабочій классъ не имѣетъ осуществить никакихъ идеаловъ, а лишь освободить развившіеся въ нѣдрахъ рушащагося буржуазнаго общества элементы новаго общества». Наконецъ, съ точки зрѣнія народническаго плюрализма—классовая борьба и классовая солидарность есть только одна изъ многихъ формъ соціальныхъ антагонизмовъ и общественной солидарности: экономическія перегородки хотя и главенствуютъ въ извѣстныхъ случаяхъ, однако, въ другихъ на ряду съ ними или вмѣсто нихъ дѣйствуютъ иныя соціально-психологическія преграды и связи общечеловѣческой культуры, расы, націи, профессіи, пола.

Правда этическаго соціализма въ томъ, что онъ признаетъ общеобязательность и необходимость этической оцѣнки во всякомъ сужденіи о дѣйствительности и считаетъ эту оцѣнку логически первѣе дѣйствительности. Но этическая оцѣнка не абсолютно противоположна дѣйствительности, а ей **коррелятивна.** Какъ говоритъ Б. А. Кистяковскій, «на одной этикѣ нельзя построить конкретныхъ общественныхъ формъ. Такое стремленіе внутренне противорѣчиво; оно ведетъ къ уничтоженію и дискредитированію этики». И въ этомъ правда экономическаго соціализма, отрицавшаго чужеродность міра разума и міра дѣйствительности. Ограниченность этого ученія заключалась въ его претензіи исчерпать все море жизни и всѣ виды знанія одностороннимъ познаніемъ дѣйствительности. Антиномія дуализма и монизма «снимаются» плюрализмомъ. Абсолютный прогнозъ историческихъ событій, имѣющихъ наступить съ естественной необходимостью,—не подъ силу наукѣ, онъ внѣ научной компетенціи, въ извѣстномъ смыслѣ не имѣетъ ничего общаго съ наукой. «Если бы и будущее въ его индивидуальности было объектомъ нашего знанія, оно никогда не оказывалось бы объектомъ нашего хотѣнія»,—говоритъ Риккертъ. То, что должно побуждать наше хотѣніе и наше долженствованіе, должно оставаться всегда лишь **возможностью** для нашего интеллекта [1]).

Идеи справедливости и необходимости могли бы найти свое примиреніе въ возможности не какъ фактѣ, а какъ идеѣ и категоріи. Логически возможность даже первѣе необходимости. Возможность предполагается необходимостью. Необходимость является только модификаціей возможности, такъ какъ необходимость есть не что иное, какъ исключеніе ряда другихъ возможностей, или невозможность иной возможности. Словообразованіе до извѣстной степени подтверждаетъ высказанное предположеніе. Рядъ языковъ образуютъ «необходимость» путемъ отрицанія возможности другого, возможности уступить, отвратить (necessitas, nécessaire, не—обходимость).

Методологически универсальное построеніе должно исходить изъ сочетанія: научно-познанныхъ элементовъ необходимаго прошлаго, оцѣнки настоящаго должнымъ и проектированія воз-

---

[1]) Генрихъ Риккертъ. «Границы естественно-научнаго образованія понятій,—логическое введеніе въ историческія науки».—Стр. 442—444.

можностей будущаго, изъ гармонизаціи тѣхъ элементовъ истиннаго, которые заключаются въ каждой изъ доктринъ. Изъ ряда открывающихся въ сознаніи научно-мыслимыхъ возможностей должна быть взята та исключенная возможность, которая безъ внутренняго противорѣчія и въ согласіи съ возможностями, касающимися другихъ проблемъ, можетъ быть расцѣнена какъ **лучшая** или **высшая** по сравненію съ другими мыслимыми возможностями. Эта возможность и должна лечь въ основу тѣхъ требованій, которыя предъявляются къ дѣйствительности и осуществленіе коихъ есть назначеніе человѣка, его **идеалъ**.

Это построеніе можно, при желаніи, опереть на цѣлый рядъ авторитетовъ. Можно сослаться на извѣстнаго автора «Соціальной педагогики» Наторпа, который говоритъ, что всякій идеалъ, данный или искомый, «предписываетъ направлять наше стремленіе къ наиболѣе высокой цѣли, сравнительно съ только что поставленной, всякій разъ какъ только высшій взглядъ ее откроетъ». Можно привести слова Риккерта: «идеалъ принципіально недостижимый можетъ приводить лишь къ скептицизму». Можно напомнить выразительную формулировку Виндельбанда въ «Прелюдіяхъ» (ст. «Нормы и естественные законы»): «Нормативная закономѣрность ни тождественна естественной закономѣрности, ни противорѣчитъ ей: она есть выборъ изъ возможностей, опредѣленныхъ естественной закономѣрностью». Можно, наконецъ, процитировать слова еще большаго, быть можетъ, авторитета въ этомъ вопросѣ, не кантіанца, а мистика, великаго русскаго мыслителя Владиміра Соловьева. Въ его въ нѣкоторыхъ частяхъ классической «Критикѣ отвлеченныхъ началъ» мы читаемъ: «во всякомъ идеалѣ по самому понятію заключается требованіе его осуществленія, ибо идеалъ указываетъ именно то, что должно быть, а, слѣдовательно, и можетъ быть, такъ какъ нелѣпо было бы требовать невозможнаго». И въ другомъ мѣстѣ: «Конечно, важно знать нравственный идеалъ, важно имѣть опредѣленное понятіе о такомъ предметѣ дѣятельности, который удовлетворялъ бы вполнѣ нравственнымъ требованіямъ, но именно потому, что это долженъ быть предметъ дѣятельности, недостаточно знать о немъ, знать въ чемъ состоитъ нравственный идеалъ, должно имѣть возможность осуществить его»...[1])

---

[1]) Собраніе Сочиненій В. С. Соловьева. Т. II. стр. 47 и 180—181.

И соціалистическое движеніе Россіи XX вѣка, когда фактъ актуальности русской революціи внѣ всякихъ сомнѣній; когда и скептики, и маловѣры не рискнутъ утверждать, что въ Россіи вообще революціи быть не можетъ или что она только въ потенціальномъ, скрытомъ состояніи; когда «самобытность» русской революціи, своеобразіе ея процесса можетъ считаться общепризнанными; когда русская жизнь открываетъ просторъ самымъ разнообразнымъ возможностямъ; когда не исключена и возможность коренного потрясенія самыхъ основъ экономическаго строя,—соціалистическое движеніе при такихъ условіяхъ, оптимистически строя свою программу, не можетъ не выдвинуть элементарнаго права человѣческаго общежитія, основного требованія соціалистической политики права, права каждой личности на достойное ея существованіе.

Соціалистическое движеніе въ Россіи, написавъ это требованіе на знамени русской революціи,—болѣе всѣхъ прочихъ отмѣченной знакомъ соціализма,—связало свою судьбу съ судьбой русской революціи и судьбу этого своего требованія съ судьбой всѣхъ другихъ ея требованій.

Требуя провозглашенія права на достойное человѣка существованіе, какъ неотъемлемаго и неотчуждаемаго права каждаго гражданина, соціалистическое сознаніе должно было выставить и всѣ тѣ требованія, которыя неразрывно связаны съ этимъ правомъ и внѣ которыхъ оно само по себѣ имѣетъ такое же, если еще не меньшее, значеніе, какъ и всѣ другія права: такъ называемыя гражданскія свободы и политическія права въ тѣсномъ смыслѣ слова. Съ этой точки зрѣнія всѣ субъективныя публичныя права не представляютъ изъ себя простой суммы отдѣльныхъ правъ, а какъ бы нѣкоторое цѣлое, обладающее такою связанностью отдѣльныхъ своихъ частей, что отъ утраты одной части цѣлое уменьшается не на ровно такую же часть, а на величину большую, получившуюся въ результатѣ уменьшенія и другихъ частей, значеніе которыхъ находилось въ прямой зависимости отъ утерянной части. И всѣ «гражданскія свободы», всѣ «положительныя притязанія» и всѣ «политическія права», вліяя и обусловливая другъ друга, являются съ этой точки зрѣнія одинаково цѣнными и равно важными.

Право каждаго человѣка на существованіе, на приличный уровень жизни, на «living wages», какъ говорятъ англичане, практически выражается въ различныхъ формахъ и различныхъ

видахъ: въ доступѣ къ землѣ [1]), въ обезпеченіи отъ всякихъ предвидѣнныхъ и непредвидѣнныхъ силъ природы и общественныхъ неустройствъ (болѣзнь, беременность, материнство, несчастный случай, дѣтскій возрастъ, увѣчье, голодъ, падежъ скота, старость, убожество, безработица и т. д., и т. д.), въ пользованіи такъ называемыми культурными благами (образованіе, передвиженіе, медицинская помощь и проч. и проч.) и т. д. Но всѣ эти формы, и всѣ эти виды предполагаютъ **самоуправленіе и самоограниченіе**, какъ необходимую гарантію своего осуществленія, и **децентрализацію** всѣхъ органовъ власти, какъ средство и путь къ дѣйствительному осуществленію этого права.

Точное размежеваніе субъективныхъ публичныхъ правъ, которыя личность имѣетъ по отношенію къ отдѣльнымъ видамъ власти и на осуществленіе которыхъ она притязаетъ къ различнымъ органамъ и учрежденіямъ власти, въ зависимости отъ различія характера права и организаціи самихъ органовъ и учрежденій, не входитъ въ предѣлы поставленной нами задачи. Мы ограничимся здѣсь общимъ утвержденіемъ, что дѣйствительная реализація отдѣльной личностью своего права на минимумъ заработной платы, на пользованіе санитарно-гигіеническими услугами и т. п., предъявляющей притязанія къ центральной власти или къ мѣстнымъ органамъ, въ значительно большей степени зависитъ отъ степени и формы участія его въ этихъ центральныхъ и мѣстныхъ управленіяхъ, отъ момента приближенія и совпаденія субъекта власти съ субъектомъ права, нежели отъ точнаго установленія, какое именно учрежденіе опредѣляетъ этотъ минимумъ заработной платы, оказываетъ санитарно-гигіеническія услуги и т. д.

Не только внѣшнія условія и формы, а внутреннее содержаніе и дѣятельность опредѣляютъ фактическое значеніе всѣхъ органовъ власти и самой власти, въ томъ числѣ и роль ихъ для

---

[1]) Юридическая природа права на землю, какъ одной изъ формъ права на существованіе, развита мною въ ст. Вен. Маркова. «Кто же субъектъ какого права?». Журн. «Русское Богатство» 1908 г. № 3.— До меня объ этомъ писали: В. М. Черновъ въ ст. «Соціализація земли». Еженедѣльникъ «Народный Вѣстникъ». 1906 г. № 1 и 2. (Вышло отдѣльнымъ изданіемъ) и П. Вихляевъ: «Право на землю».—1906 г. изд. «Молодая Россія».

проведенія въ жизнь провозглашеннаго права. Въ установленіи внутренней связи между признаннымъ за личностью правомъ и возможностью и желаніемъ самой личности осуществить свое право, участвовать въ связанныхъ съ этимъ правомъ различныхъ проявленіяхъ власти,—лежитъ залогъ фактической реализаціи какого бы то ни было отвлеченнаго правового принципа.

Гарантія же этого, въ концѣ концовъ, всегда и повсюду заключалась и будетъ заключаться въ томъ, «чтобы каждая личность,—какъ хорошо формулируетъ это Кистяковскій,—проникалась сознаніемъ своего человѣческаго достоинства и своихъ субъективныхъ публичныхъ правъ. Проникшись сознаніемъ правъ каждой личности въ отдѣльности, каждый долженъ бороться какъ за свои права, такъ и за права всѣхъ лицъ, его окружающихъ. Только путемъ всеобщей ежедневной и будничной упорной борьбы свобода личности, во всѣхъ ея видахъ и во всѣхъ сферахъ жизни, можетъ стать фактическимъ достояніемъ каждаго и неотъемлемой принадлежностью всего народа» [1]). **«Необходимо, чтобы всякій человѣкъ притязалъ: только тогда онъ будетъ и дерзать, т. е. будетъ свободнымъ»,** — такъ выразительно формулируетъ ту же мысль Б. А. Кистяковскій, защищая идею права на достойное человѣческое существованіе въ своей новѣйшей исключительно поучительной для каждаго соціалиста книгѣ «Соціальныя науки и право» [2]).

Соціалистическая политика права имѣетъ своей ближайшей задачей сорганизовать въ этомъ направленіи соціалистическое мнѣніе. Соціалистическія партіи, достигнувъ момента совпаденія силы своего мнѣнія съ силой своей власти, имѣютъ своей задачей развернуть свое знамя насколько возможно шире и провозгласить каталогъ неотчуждаемыхъ правъ личности насколько возможно полнѣе.

Право на достойное человѣка существованіе! Hoc signo vinces! Съ этимъ знаменемъ побѣда русской революціи, идущей подъ знакомъ соціализма,—обезпечена!..

---

[1]) Б. А. Кистяковскій. «Права человѣка и гражданина». «Ежемѣс. Журналъ «Вопросы Жизни», 1905 г., № 1, стр. 141—142.

[2]) Краткое изложеніе и оцѣнка основныхъ идей этой книги дана мною въ ст. Вен. Маркова: «Соціальныя науки и право».—Журн. «Сѣверныя записки», XII за 1917 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Петроградская Издательская Комиссія.

Галерная, 27.

1. Наша программа (популярн. излож.). . 10 к.
4. *Гардинсъ.* Почему я соціалистъ. . . . 15 „
5. *Лаврусевичъ.* Чего хотятъ друз. нар. 25 „
7. *Новоторжскій.* Соціализація земли. . 15 „
8. *Е. Лазаревъ.* Какъ крест. дали волю. 15 „
9. *Дикштейнъ.* Кто чѣмъ живетъ . . . 15 „
11. *П. Вихляевъ.* Какъ уравнять польз. землей . . . . 15 „
12. *А. Шрейдеръ.* Царь-Голодъ. . . . . . 6 „
13. *В. Черновъ.* Война и третья сила. . . 50 „
14. *В. Черновъ.* Интернаціоналъ и война. 50 „
15. *Глыба.* Разгов. солд. объ отреч. царя. 6 „
16. *В. Цвѣткова.* Какъ лучше распредѣл. землю . . . . 6 „
17. *Н. Брюлова-Шаскольская.* Народн. Россіи и ихъ треб.. . . . . 6 „
18. *В. Черновъ.* Крестьянинъ и рабочій, какъ эконом. категоріи. . . . . . . 50 „
19. *Б. Коварскій.* Сокращ. рабоч. врем. и 8-ми час. рабочій день. . . . . 25 „
20. *Б. Коварскій* Е. К. Брешковская съ автобіогр. бабушки русской револ. . . 50 „
21. *Ст. Слетовъ.* Къ исторіи возникнов. Партіи С-Р. . . . . 1 р.
22. *В. Черновъ.* Сквозь туманъ грядущаго. 60 к.
23. *А. Шрейдеръ.* О налогахъ . . . . . . 10 к.
24. *Б. Корень.* Сущность ученія Соц.-Рев. (поп. изл.) . . . . 20 „
25. *В. Трутовскій.* О муницип. прогр. . . 25 „
26. *В. Черновъ.* Имперіалист. мечты. . . 25 „
27. *И. Бѣлочкинъ.* Земля и воля трудов. народу . . . . 15 „
28. Резолюціи, принятыя на 3-мъ съѣздѣ П. С.-Р., съ предисл. Ц. К. . . . . . 12 „
29. *А. Бахъ.* Царь-Голодъ . . . . 40 „
30. *В. Цвѣткова.* Какъ производить выб. 6 „
31. *Діэзъ.* Сказка о царѣ-недоумкѣ . . . 25 „
32. *Глѣбъ Свировъ.* Миним. зараб. платы. 8 „
35. *М. Вишнякъ.* Личность въ правѣ . . 70 „
38. *В. Лункевичъ.* Что такое учред. собр. 12 „
39. *В. Лункевичъ.* Каковы должны быть земельн. пор. на Руси . . . . 20 „
40. *В. Лункевичъ.* Вся власть всему нар. 20 „
43. *Б. Черненковъ.* Основн. зак. о землѣ. 20 „
44. *В. Цвѣткова.* Поч. крест. не должны голос. за П. Н. С. . . . . 12 „
45. *Н. В. Брюлова-Шаскольская.* Нац. вопр. и П. С.-Р. . . . . 30 „
46. *В. Левинъ.* Фабр.-зав. комитеты . . . 12 „
49. *Д. Раковъ.* Война и финансы . . . . 30 „

Печатаются:

33. *Шэфле.* Сущность соціализма . . . .
34. *Викторъ Черновъ.* Земля и право . .
36. *Тунъ.* Ист. револ. движ. въ Россіи съ прим. Л. Э. Шишко . . . .
37. *Д. Самойловъ.* Профессіон. союзы .
41. *В. Лункевичъ.* Борцы за право и своб.
42. *В. Лункевичъ.* Право челов. и гражд.
47. *Б. Камковъ.* Истор.-филос. воззр. П. Л. Лаврова . . . .
48. *В. Черновъ.* Германская соціальдемократія на распутьи . . . .
50. *И. Николаевъ.* Невидимыя подати . .
51. *Б. Свидерскій.* Трудъ и капиталъ . .
52. *М. Гоцъ.* Система правды . . . . .
53. *В. Черновъ.* Кооперація и соціализмъ.
54. *Николаевъ.* Н. Г. Чернышевскій на каторгѣ . . . .
55. *В. Трутовскій.* Что крест. дѣлать въ земствѣ . . . . 15 к.
56. *В. Лункевичъ.* Какъ должно вестись наше народн. хоз. . . . .

Книгопродавцамъ и обществен. организаціямъ обычная уступка. Заказы выполн. только по получ. задатка въ размѣрѣ одной трети ихъ стоимости.

Тип. П. П. Сойкина.